

Андрей Дашков

Двери паранойи

Посвящается невинным жертвам психиатрического террора, а также одиноким людям и бездомным собакам.

КОММЕНТАРИЙ ПОСРЕДНИКА

Нижеприведенная рукопись попала ко мне при странных обстоятельствах. В русском языке слова «странный» и «страшный» очень похожи — должно быть, это не случайно. Разница в одну букву иногда соответствует неуловимому изменению в ощущениях. Потом изменяется настроение, окружение, восприятие, в конце концов, вся жизнь. Около года я балансировал на грани между странным и страшным — и через равные промежутки времени получал письма... якобы от героя романа «Умри или исчезни!». На самом деле его трудно назвать героем. Лучше так: от персонажа, оказавшегося живее всех живых.

Первое письмо пришло спустя четыре месяца после выхода книги. Конверт был самодельным, склеенным из листа писчей бумаги далеко не

высшего качества. На нем рваным почерком был выведен адрес издательства и моя фамилия. Письмо предназначалось для передачи. В углу конверта имелась едва заметная подпись отправителя: «Макс». Удивительно, но какой-то добрый (или злой? — теперь уже не знаю, что и думать) ангел, занимавшийся перепиской, честно выполнил свою работу — и письмо все-таки попало ко мне.

Не буду пересказывать его содержание. Некто (тогда я был абсолютно уверен в том, что это чья-то придурковатая хохма) пытался убедить меня в существовании человека, которого я сам же и придумал. Более того: из письма следовало, что этот человек находится там, где я оставил его в эпилоге своей книги, — в месте, прямо скажем, непривлекательном.

В первом письме еще не было ни слова о помощи. Только описания больничного быта, каких-то болезненных состояний, психоделических видений, иллюзорных посещений и т. д., и т. п. Ну и немного упреков. Немного невнятных угроз. Совсем чуть-чуть... Я выбросил то письмо и теперь уже не могу доказать даже самому себе, что все это мне не приснилось. Вот всего лишь несколько характерных отрывков из него (привожу по памяти, смягчая текст):

«Привет, земляк, мать твою! Спасибо, конечно, за то, что упрятал меня в психушку, но

лучше бы ты этого не делал, а дал Виктору пристрелить нас с Ирккой! Хорошее убежище, ласковые санитары (я называю их доbermanами), с бабами, правда, напряженка — поэтому большинство наших сами трахают себя в туалете. Ну, это те, кто и все остальное может делать самостоятельно. Есть и такие, которые не могут, — это мясо для доbermanов. Санитаров они сильно раздражают, но вся штука в том, что те любят мясо. Желательно с кровью.

А еще эти твари любят власть — пусть даже над олигофренами! Зайдет такая жирная морда, зубами клацает, ручищи волосатые, из пасти дух, как из помойного ведра... Ну и начинается. Самые добрые обходятся щелчками и подзатыльниками. Это у них дружеское обращение. Про речь я уже не говорю — можно энциклопедию нетрадиционного секса написать. И ведь их можно понять — действительно неприятно за кем-то дерьмо убирать. Ненавидят наши доберы эту работу, но приходят. Снова и снова. Несколько раз в день. В общем «песня остается прежней»... Власть! Это вам, ребята, не шутки. Это покруче всякого секса. Особенно если у тебя уже не стоит.

Впрочем, как-то раз во время избиения младенцев я наблюдал эрекцию у одного из доbermanов. Возбуждился, мразь, от избытка чувств. Так кто же из нас больной?!.

Ладно, земляк, извини — выговориться хочется, а потрепаться не с кем. Соседи по камере (то есть палате) не в счет; с ними у меня неписанный договор о нераспространении. Хочешь знать, чего? Всего того дерьма, что скапливается в голове. Секунда за секундой. Минута за минутой. Час за часом. День за днем. Непрерывающийся дождь из дерьма... И так четыре года. Говорят, это немного. Не знаю. Я уже забыл, как пахнет весенний воздух, и вижу солнечный свет только через грязное стекло. Не помню вкус портвейна, не говоря уже о женских ласках. Недавно мне снился сон... Нет, об этом в другой раз.

...Лучше бы ты спрятался. Скоро они найдут меня. А когда найдут, захотят узнать, откуда тебе стало известно про мои дела. И про Ирку. И про Клейна. И про слепоглухонемого мальчика. И, конечно, про НЕГО. Тс-с-с! Молчу, молчу, молчу. Лучше мне помолчать об этом. Иначе однажды ночью...»

И дальше в том же духе. В рукописи все это изложено гораздо подробнее. Я привожу ее в первоизданном виде, не изменив ни единой строчки. Простим бедняге экстремизм суждений и грубость выражений — для психа он еще довольно деликатен. Кстати, теперь я вовсе не уверен в том, что он действительно псих.

Потом письма стали приходить с дивной

регулярностью — по одному в месяц. Двенадцать писем за год. Тем, кто интересуется астрологией, могу как-нибудь показать уцелевшие одиннадцать — возможно, тут есть какая-то связь (во всяком случае, упоминания о Зодиаке в них имеются). Мне было не до того.

Уже второе письмо содержало такие подробности о моем интиме и воображаемом интиме самого Макса, что я понял: кто-то добрался до моих печенок. Конечно, не тот парень с копытами в лакированных туфлях, торгующий в розницу на перекрестках. И не герцог из «Умри или исчезни!». Мне еще не было страшно. Знаете, как это начинается: легкий холодок, пробежавший по спине, пара-тройка ночных кошмаров... Цветочки по сравнению с тем, что пришлось пережить позже.

Третье, четвертое, пятое письмо. Тогда я еще работал. Выражаясь техническим языком, «сохранял работоспособность». Способность-то я сохранял, но вот писать (ударение на втором слоге) становилось все труднее. А главное, незачем. Охота, начавшаяся на страницах книги, продолжалась наяву. Рассказывать об этом бессмысленно. Дальнейшее будет ясно из рукописи Макса, в том числе и то, как она оказалась у меня.

Еще одно замечание: описываемой Голиковым больницы, по-видимому, не существует. Во всяком случае, я навел справки и не обнаружил

в Харькове ничего подобного. В рукописи имеются явные нестыковки с окружающей меня действительностью. Возможно, Макс находится в другой, искаженной реальности — и тогда это последняя шутка, которую сыграл с ним таинственный «препарат» Клейна.

Я стараюсь забыть о неразрешимых пока вопросах. Например, о письмах. Кто на самом деле писал их, и как они попадали ко мне?.. Поэтому, пытаясь сохранить остатки здравого смысла и упорядоченности (пусть даже кому-то покажется, что это просто еще одна мистификация), я добросовестно пронумеровал страницы, продублировал каждую на «ксероксе», не поленился дать сноски, чтобы прояснить, откуда этот псевдо-Макс «черпал вдохновение». Короче говоря, облагородил пачку, часть которой представляет собой нарезанные из рулона и коряво исписанные листы туалетной бумаги. Общее название тоже я придумал — конечно, немного претенциозное, но что поделаешь: все мы, писаки, такие — любим пустить пыль в глаза...

Я заканчиваю эту, в сущности, бесполезную работу и упаковываю рукопись в большой конверт для отправки. Кому? Не знаю... Может быть, лучше сжечь? Кое-кто утверждает, что рукописи не горят, — самое время проверить это.

Пока я вожусь с бумагой, слушаю «Дорз».

Моррисон орет: «Беги со мной!» Все, пора бежать. Макс, где ты?! Ребята, если вы еще не поняли, повторяю: **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОРА БЕЖАТЬ!**

* * *

КОРОТКАЯ СПРАВКА: Голиков Максим Александрович, 1963 года рождения, холост, детей нет, без определенных занятий. Диагноз при поступлении: агорафобия¹, онейроидная кататония², императивное искажение восприятия с трансформацией галлюцинаторного синдрома в реактивный параноидный³. В настоящее время имеет место ярко

¹ Агорафобия — боязнь открытых пространств.

² Онейроидная кататония — явление ступора с восковой гибкостью, наблюдающееся при шизофрении или симптоматических и органических психозах. Помрачение сознания имеет характер сновидений с фантастическими переживаниями и радикальным изменением восприятия.

³ Реактивный параноидный синдром — возникает под влиянием фактора внешней обстановки (часто не соответствующего глубине реакции) и характерен бредом преследования, ощущением смертельной опасности, исключительной подозрительностью, появлением зрительных и слуховых галлюцинаций. Иногда приводит к выраженным изменениям личности.

выраженный амнестический синдром⁴ с устойчивыми конфабуляциями⁵.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПАЦИЕНТ

1

Привет вам, свободные!

Окончательно впал в маразм и начал подыскивать эпитафию для своей писанины. Книг у меня всего две, да и те оказались здесь случайно. Читать нам не разрешают — наверное, хотят, чтобы мы реализовали Дзен. Поэтому бесплодные интеллектуальные упражнения мне ни к чему. Прямой вред для моей кристально чистой души.

На самом деле доберманы добросовестно перерыли мое белье и тумбочку (должно быть,

⁴ Амнестический синдром — психопатологический симптомокомплекс, в котором ведущее место занимают расстройства памяти. Обычно наблюдается при органических поражениях мозга.

⁵ Конфабуляции — наличие воспоминаний о событиях, не происходивших на самом деле.

искали «колеса» или жратву), забрали пачку «диурола», которую мне подарил Морозов, но книги почему-то оставили. Поржали, конечно, над дураком, но оставили. Плохо бдят, сволочи. А ведь я слышал, что убить человека можно и уголком конверта, если знать, куда ударить. Между прочим, у моего Эдгара Ли Мастерса такие твердые острые уголки...

Ладно, не туда меня понесло. Начнем сначала.
Эпиграф:

...И когда меня выпустили,
Я вдруг понял, что жизнь — тюрьма,
И лучшее, на что можно надеяться, —
Это умный и добрый сосед по камере⁶.

Привет еще раз!

Моих соседей по палате трудно назвать умными и добрыми. Себя к таковым тоже не причисляю. Достаточно почитать мою историю болезни и список моих «добрых» дел — все сразу же станет ясно.

Кстати, один из соседей теперь мой коллега. Художник пера, мать его... Дописался. По-моему,

⁶ Эдгар Ли Мастерс. <<Новый Спун-Ривер>>. Перевод Андрея Сергеева.

совершенно нормальный мужик, только заиклен на пресловутой «национальной идее». Общаться с ним можно, куда разговор не коснется этой самой «идеи». Тогда он выходит из себя. В буквальном смысле. Был человек — и нету. Куда-то вышел. Ждите, будет позже.

С остальными еще хуже. У двери обычно покоится Шура Морозов, бывший сторож. Словарный запас соответствующий. Пятьдесят восемь лет. Неженатый — уже. Прикончил топором своих детей. Вроде некоего Делберта Грейди в «Сиянии» Стивена Кинга. Читали? Фильм Стэнли Кубрика видели? Вот-вот: девочки кровавые в глазах, и все такое... Правда, Шура, сволочь эдакая, не стал стреляться, как Грейди, а включил дурака, да так удачно, что по сей день считается чуть ли не ходячим пособием по психопатологии. Доберы его почти не трогают, а бабульки из столовой откровенно побаиваются (до сих пор не понимаю, где ему удалось «дирол» раздобыть — не иначе пожалел кто-то). Но сдвинулся он серьезно, иначе бы его здесь не держали. Абсолютно безопасен. Активности — ноль. Агрессивности тоже. Дед Мороз, да и только. Жалко, что без Снегурочки... Разговаривает ласково так, тихо. Со мной любит мягко побеседовать, детство свое деревенское, босоное вспоминает... Мне-то что, поговорить я, конечно, не против, но как представляю себе деток

изрубленных — мороз по коже и омерзение такое, что до чистых и гладких Шуриных лапок дотронуться не могу...

Четверо ребят из «Менструального цикла» — это продукты маниакального рок-н-ролла, кондового гранжа. Причем без дураков. Группа у них такая была там, на воле, а сами они до недавних пор являлись стопроцентно отвязанными придурками. Законченными нигилистами и антиобщественниками. Из тех, которых хлебом не корми — дай покричать «фак офф!» по любому поводу. Тормозов у них, конечно, маловато, но самый главный остался: пожить еще хотят. На этом их и подловили.

Сюда они, по-моему, из-за наркоты попали. Сами ничего не рассказывают, молчат. Кто-то ребятишек крепко напугал или на крючке держит. Никакие они не психи — обыкновенная болезнь левизны. Тяжелая подростковая форма. Но излечимая. В психушку их упрятали, это ясно как день. В общем, похоже, им самим тут спокойнее. Дурашки — думают, что дольше проживут! Наивные, однако и я такой же. Клевые ребята. Нравятся мне они. Нравились бы еще больше, если бы им здесь рога не пообламывали. А так — все, сдулись, уже не кричат. И свободу, оказывается, меньше жизни любят. Правильно, своя шкура дороже.

Один из них, Эдик, по кличке Потный, недавно заявил: «Мы пойдем другим путем!» Я его слушал, но думал вот о чем: впервые за два года он произнес четыре слова подряд и среди них — ни одного матерного! Для него это было поистине выдающееся достижение. Зато потом Потный отвязался на всех. Долго говорил. Что-то там о траханном государстве, траханных борзописцах (это он про нашего «Достоевского»), траханных лесорубах (это про Морозова), траханном гранже и своей траханной голове, в которой уже ничего не держится...

Вся «МЦ» чуть не подохла со смеху. Мы с барабанщиком Карлушей смеялись так громко, что Шуру разбудили. Тот на нас посмотрел с легонькой укоризной. Будто печальная собака, ей-Богу! Ну как его обидишь? Пришлось заткнуться, пока Шура доберманов не позвал...

Закончу о придурках. Они и сейчас, можно сказать, играют и поют. В основном стучат оставшимися зубами, хлопают ушами и временами покрикивают от боли. Задницы тоже в концертах участвуют. А все вот почему: доберы очень не любят деятелей из «МЦ» и частенько их бьют. Называют длинноволосыми дебилами, хотя длинных волос нет и в помине. Но такая уж у них, у доберманов, психология. Ненавидят все непонятное. И кидаются.

Поэтому я стараюсь мыслишки свои скудные не афишировать, любви к рок-н-роллу не обнаруживать. Иногда по ночам тихонько треплется с непримиримыми «менструаторщиками» про «Лимонные головы», «Дыру», «Девятидюймовые гвозди». Однако делаем это, когда Шура спит. Есть подозрение, что он, собака мерзкая, постукивает. Правильный сын своего народа. В чем-то лечение пошло ему на пользу — все-таки вернулся на путь истинный...

Но вообще-то я, как Штирлиц, больше стариков люблю и их стариковскую музыку. По мне, если совсем хреново, то уж лучше «Студжиз» послушать. Мусор из головы выгрузить. Такой драйв прет! Такой мрак! Такой суицид!.. Жаль, давно не слушал. Клейн, сволочь, всего лишил. Как говорится, обездолил и сгинул. А мне что теперь делать? Без волшебного леденца Клейна, мать его так?!

Ладно, надо взять себя в руки. Отчаяние очень близко. Остался один маленький шажок — и уже не выплыву. Не выплыву, ребята. Никто меня не спасет...

Надо думать о хорошем. Знаете, как в песне: «Думай о хорошем, я могу исполнить!» А кто же исполнит? Ты, что ли? Это называется «почти и помоги!» Ага, сейчас, разбежались... Макс, Максуля, прошу тебя: думай о хорошем! Думай,

дорогой, у меня же, кроме тебя, никого нет!..

Медитировать, что ли? Так, чтобы обходиться вообще без мыслей... Пробую снова и снова. Пока не получается. Может быть, лет через двадцать обрету просветление. Перед тем, как сдохнуть. Правда, если верить всем этим святым ребятам, я воспарю вне времени, и для меня близость смерти уже не будет иметь никакого значения. Итак, есть за что бороться. Имею шанс получить свободу и вечность впридачу. Но вся штука в том, что эта сволочь Виктор найдет меня раньше.

Я из тех, кто опоздал.

Навсегда.

2

Утро. За окном светит солнце, и распускаются первые листья. Небо пронзительное, как крик новорожденного, а я задыхаюсь в непробиваемом панцире своей тоски, будто глубоководная рыба.

Я лежу, глядя на синий бездонный треугольник, и во мне еще бродит ночной сон. Сон напугал меня, но результат пробуждения пугает сильнее. Наверное, это страх перед пустотой. Не думал, что могу бояться чего-то в этой клетке.

«Менструаторщик» по кличке Самурай повернулся ко мне и спрашивает:

— Макс, ты чего ночью орал, как петух

гамбургский?

Что я ему отвечу? Пожал плечами: не помню, мол. На самом деле помню прекрасно — такое не скоро забудешь...

Сегодня воскресенье, и доберманы не торопятся. Первый появляется около десяти по моим солнечным часам. Моя койка стоит возле стены, и солнечный луч ползет по этой стене с рассвета до полудня. Я сделал едва заметные отметины на голубой краске. Исходил из того, что завтрак начинается в девять, а Сенбернар обычно является ровно в двенадцать. Ну а дальше как в школе: дети, разбейте сектор на три части... Точность небольшая, зимой и летом расхождения, наверное, огромные, но час сюда, час туда — для меня не имеет никакого значения. Резиновое время; безразмерные дни и ночи; секунды тянутся, годы летят... От вечного тиканья, раздающегося между ушами, можно свихнуться. Кто бы сломал проклятый маятник в моем черепке? Все это хрень и баловство!

Кстати, о Сенбернаре. Так я прозвал главного врача этой тюремной психушки за величественный вид и отвислые щеки. Кажется, он профессор, и при этом сволочь редчайшая. Гораздо более утонченная, чем его сторожевые псы. Доберы шефа втайне ненавидят, как и любого кадра с десятиклассным образованием, не говоря уже о

высшем. Но вынуждены подчиняться — жрать-то хочется. Сенбернар, в свою очередь, их презирует и при разговоре брезгливо оттопыривает нижнюю губу. Глазки у него слезятся, а веки красноватые и припухлые.

Он слишком солиден и занят собой, чтобы приходить часто, однако, когда это все же случается, мы имеем дело с явлением почти божественного масштаба. Еще бы: в его руках ключи нашей жизни и смерти. Ну, свободы уж точно. От него зависит, выпустят нас отсюда через некоторое время или оставят гнить навечно... Он решает, здоров ты или болен, опасен или безопасен, человек ты или просто кусок мяса. Он — последняя инстанция. Поэтому в его присутствии даже отвязанные придурки из «МЦ» засовывают свои грязные языки в свои грязные задницы и ведут себя как хорошие мальчики.

Но вряд ли это существенно повлияет на их судьбу. Сенбернар неумолим и лишен эмоций, точно дохлая корова. Он даже игнорирует наши вопросы. Мы для него вроде белых мышей — издаваемый нами писк ничего не значит. Так себе — реакция на раздражитель...

Он изучает наше поведение, глубину нашей деградации — белый идол, преисполненный чувства собственного превосходства. Хотя о каком поведении может идти речь в этой клетке? Вполне

вероятно, что маньяк окажется примерным заключенным, а нормальный человек перегрызет себе вены от безысходности. Не каждый из нас Бозций, и не каждому дадут написать «Утешение философией». У нас бы тебе отбили почки, Бозций, и всякую охоту философствовать.

* * *

Одиночество сводит с ума быстрее, чем что-либо другое. Вы не знали? Одиночество опустошает, от него воют на луну, оно убивает способность радоваться простым вещам и замечать страшные перемены. Когда-то я знал одинокую женщину — она была некрасива, и никто не хотел даже спать с нею. Я, кстати, тоже. По ее словам, ей снилось кое-что. <<Кое-что>> было почти приятным. Она пила успокоительное, но это не помогало. В конце концов сны довели ее до ненамышленной веревки.

Одиночество среди людей, в обществе которых я вынужден постоянно находиться против своей воли, еще хуже, потому что такое положение противоестественно. Оно разрушает последнее, что у меня осталось — хрупкие стенки моей личности. В городах это происходит сплошь и рядом, поэтому вокруг столько алкоголиков и психопатов, столько эксгибиционизма, столько обнаженной агрессии,

столько распадающейся человеческой ткани. Пауки, посаженные в банку, начинают поедать друг друга...

Опять я не о том. Нельзя разбрасываться, иначе не хватит ни времени, ни бумаги. Буду описывать только реальное. То, что нельзя изменить. Все непоправимое и неотвратимое. Но я не могу изменить самого себя — значит, я реален? — и не могу изменить свои мысли — значит, они тоже реальны? О если бы самые черные из моих мыслей превратились в червей, змей, белых бультерьеров (черт, откуда эта блажь?!) — это была бы маленькая армия генералиссимуса Макса, и эта армия проложила бы мне дорогу к свободе!..

* * *

Сенбернар появился в палате со свитой из двух жлобов, немного попыхтел, приказал Шуре зачем-то открыть рот, едва скользнул по мне взглядом, указующим перстом обозначил очередную жертву и увел с собой Карлушу. На спецобработку. Не знаю точно, что это такое, но после процедуры каждый из «менструаторщиков» становится очень тихим. Примерно на неделю. По-моему, кто-то все же передает им наркоту...

Мои догадки лучше держать при себе. Тем более что скоро меня поведут на воскресную

прогулку. «Прогулка» — это одно только название и вместе с тем особо изощренное издевательство. Гуляю я по глухому бетонному коридору длиной никак не меньше двухсот метров. Не знаю, куда он ведет, должно быть, напрямиком в ад. Дежурному доберу даже лень за мной следить, и он оставляет меня здесь одного на час.

Бежать некуда, если вы не веселое привидение Каспер и не умеете проходить сквозь стены. За дверью — комната санитаров, где они режутся в деберц, пьют спирт, а по ночам трахают пациенток. В основном тех, которые не могут пожаловаться Святому Бернару, или тех, которые сами хотят. Насколько мне известно, ни одна еще не проговорилась.

Прогулки эти я ненавижу, хотя понимал, что двигаться надо. Четыре года в психушке — слишком долгий срок, чтобы действительно не сойти с ума. Но время — иллюзия, и рассудок иногда возвращается, как бродяга-зомби в свою разрытую могилу.

Хуже было то, что я превратился в скелет, обтянутый кожей. По правде говоря, я здесь совсем зачух. Иногда я шепчу себе: «Слушай, кретин, если ты собираешься когда-нибудь выйти отсюда или сбежать, тебе нужны силы». Для побега нужны силы, даже для надежды нужны силы, но откуда им взяться? Я пытался отжиматься от пола и

подтягиваться на оконной решетке. Однажды за этим занятием меня застал ретивый доберман. В течение двух недель я не мог ничего делать руками. Даже жрал с трудом. Вилку держал в кулаке, как трехлетний. А теперь представь меня в туалете. Представил? Отдыхай...

Потом я пробовал снова — и слишком шумно пыхтел по ночам. Дали еще раз — понял, что Шура Морозов не дремлет. Прикончил бы тварь, да сил нету. Мышцы дряблые, ноги дрожат, в голове постоянный шум. Недолго мне осталось, люди...

Так вот, о прогулках. Не знаю почему, но выводят меня одного. Никто другой в нашей палате подобной привилегией не пользуется... С некоторых пор в комнате у доберманов появился приемник. Гулять стало чуть веселее. Сегодня услышал одну из новых музыкальных станций. И надо же — повезло! «Full Tilt Boogie Band» как раз играли «Заживо похороненный в блюзе». Верно сказано, без балды. Заживо похороненный — это я и есть. Чуть не завыл. И такая меня тоска взяла — хоть головой об стену!

Ну нет, думаю, суки, — не дождетесь! Собирал себя по крупицам, по кусочкам. О маме вспомнил, о тебе, Ирочка, стерва (ты-то хоть жива еще? как я тебя хочу!), об этом кретине Клейне, который втравил меня в это дерьмо, ну и, понятно, о тебе, господин писатель, раззвонивший обо всем в

своей дурацкой книжонке! Спасибо еще раз, удружил! Теперь ничего не стоит меня вычислить. Надеюсь только на то, что Виктор книг не читает, или на то, что я для него — пустое место. Шлак. Живой труп. Смешная, конечно, надежда, но пока еще живу...

Кстати, надо будет письмо накалякать писателю, предупредить беднягу. А то ведь грохнут ни за что, и станет мне совсем одиноко. Все, решено — напишу письмо. Только как его отправить? Доберы злобствуют, а из наших вряд ли кого в обозримом будущем выпустят.

Кое-кто полагает, что у меня паранойя. Я всех своих соседей по палате задолбал — почти все время торчу возле окна. Наблюдаю. Станный я чувак — сбежать отсюда все равно невозможно. Да и некуда мне бежать. Но наблюдаю. Жду машину. Или вертолет. Или еще что покруче — ОНИ способны на все.

Вообще-то соседи правы — свет я им, конечно, заслоняю. Хотя какой тут, к чертям собачьим, свет?! Писателишка не ошибся — стекла грязные, мухами засиженные, и оттого кажется, что весь мир дерьмом облит. А когда кажется, значит, так оно и есть. Такой вот незрелый буддизм...

Пейзаж, между прочим, тоже невеселый. Решетки, чахлые деревья, грязно-красный кирпич. Иркут я, правда, ни разу не видел — тут писатель

наврал. Впрочем, прощаю. Я же понимаю — художественный вымысел.

3

Только что написал цифру «3», но тут-то и закрутилась карусель, тут-то все и началось.

До этого я не жил, а тихо гнил, коптил не небо даже — потолок.

Все изменилось за какую-нибудь пару месяцев. Спасибо тебе, неизвестный благодетель, кто бы ты ни был и где бы ты ни находился! Спасибо. Проси, что хочешь, — все отдам, все сделаю. Скажешь идти куда-нибудь — пойду. Если завтра попросишь душу — отдам и душу.

Только жизнь мою не проси. Ради жизни я и помощь твою принял. Если найду Ирку, не проси ее у меня — не отдам. Ну не такая же ты сволочь, чтобы Ирку у меня забирать, правда? Зачем тебе женщина? А Ирка всего лишь женщина, куколка моя любимая — две руки, две ноги, теплая влажная щель между ног (черт, так и до рукоблудия недалеко!) и килограммов примерно под шестьдесят тщеславия. Соблазнительная штучка. Еще одна потенциальная жертва. Только это нас и сблизило, когда она наложницей Виктора была. Шлюха продажная, но не могу без нее!..

Что сказать о первом появлении старика?

Обычная была ночь, необычные сны. Описывать бесполезно. Девки, само собой, снились, только на самом интересном месте все хорошее внезапно заканчивалось. Меня бесполезно суккубами пугать — я оказывался в аду еще до полового акта.

Не знаю, как можно терзать нечто бесплотное, но именно это происходило в кошмарах. Плоти нет, и нет боли. Зато есть кое-что похуже. Распад личности. Осознание того, что уже не существуешь. Черные птицы по кусочку склевывают мозг, гигантский каток раскатывает его в лист бесконечно малой толщины, и штамп с твоим именем выбивает в нем черные дыры, пожирающие остатки света...

Той ночью я проснулся после очередного кошмара. Мне приснилось, что, поджаривая яичницу, я нашел на сковородке Иркины глаза.

* * *

...За окном висела половинка луны — знаете, такая кисло-желтая, печальная, голая. Я вытер пот со лба, отдышался, прислушался.

Морозов деликатно сопел в свои две дырки; Потный во сне постанывал, один раз даже ручонку вскинул. Остальные, включая господина писателя, пускали слюни в объятиях Морфея. Должно быть, объятия были ласковые, а руки у Морфея —

пухленькие, как у той бабы, с которой мы в девяносто втором в вагончике канатной дороги...

Стоп. Это к делу не подошьешь. Итак, я прислушался, а затем и пригляделся. Свет луны был мглистый и рассеянный, словом, дорогу в туалет найти можно. Я ее, правда, давно отучился по ночам искать. Доберманов с подобной чепухой беспокоить нельзя. Не для того у них ночные дежурства, чтобы сопровождать в сортир каждого придурка, которому отлить захочется. Поэтому выбора у нас нет. Даже Самурай предпочитает терпеть, а у него недержание конкретное.

В общем, никакую дорогу я не искал. Просто смотрел на лунную нашу палату и потихонечку осознал: что-то не так. Потом вспомнил, и мне стало не по себе. Казалось бы, глупо, но кое-чего я еще боюсь. У меня даже руки похолодели. Карлуша-то с процедуры не вернулся...

Я как-то сразу понял, что все: нет больше нашего Карлуши. Загнулся бедняга. Или загнули, но ему это уже без разницы. Остались «менструаторщики» без барабанщика.

Я себе мало доверяю. Почти совсем не доверяю. Однако на этот раз был уверен в том, что не ошибся. Еще труднее было спорить с тем, что я увидел на прибранной Карлушиной коечке.

Она стояла в углу, справа от моей. На ней лежал старик, повернувшись ко мне лицом. Его

глаза под густыми бровями были открыты и, не мигая, смотрели на меня. Длинная черная борода свисала до пола, а седые волосы почти полностью покрывали подушку. Лицо казалось изможденным, как у заключенного из «Дахау», но во взгляде была безумная сила.

Понятное дело, я тут же захотел вонзить себе ногти в брюхо. Для проверки. Поскольку моя левая рука находилась в этот момент чуть пониже (ведь девки мне все-таки снились), то боль была такая, что я чуть не подскочил и даже сдавленно завыл. Чуткий наш Шура заворочался, почмокал губами, но не проснулся.

Старик продолжал по-прежнему спокойно смотреть на меня. В то, что его поселили в палату ночью, а я ничего не слышал, поверить было трудно. Вернее, невозможно, но рассудок еще цеплялся за какие-то рациональные объяснения.

Новый пациент был облачен в живописные лохмотья. До меня стало доходить, что если это и сон, то из тех, Клейновских, которые не отличишь от реальности, пока не перенесешься куда-нибудь еще...

И вдруг старик поманил меня к себе пальцем. Я еще не совсем очухался и никак не отреагировал. Тогда он бесшумно встал, бесшумно подошел и бесшумно присел на краешек моей кровати. Я отодвинулся, но недалеко. На гомика он был мало

похож, а на убийцу тем более. Хотя последняя фраза есть еще одно свидетельство моей безмерной наивности.

Короче говоря, прятаться от него под матрас или устраивать родео в палате было бессмысленно. «Кончай меня, дедушка!» — подумал я наполовину в шутку, наполовину всерьез.

И тут он, будто в ответ, дал мне пощечину.

Я охренел. Ладонь у него была маленькая, холодная и твердая; глаза сияли, как у пророка, а губы кривились в брезгливой гримасе.

— А вот это уже хамство... — начал я вполголоса и протянул руку, чтобы пересчитать дедушкины вставные зубы. И что вы думаете — я не сумел его ударить! Понимаю, что надо, а не могу. Могу, но не хочу. Кстати, это почти одно и то же.

Я сразу вспомнил Харьков, свою старую квартиру. Тогда подобный фокус мне показывал Клейн. Однако масон, надо отдать ему должное, обошелся без рукоприкладства. Наверное, положение мое в те денечки было не такое паршивое. Вам судить — в книжке об этом эпизоде почти правда написана...

Невероятные глаза старика видели меня насквозь. Они препарировали душу с той же безжалостностью, с какой скальпель вскрывает тело. Вся моя несостоятельность, несовершенство,

смехотворность моих самооправданий оказались как на ладони. Самому себе я представлялся вывернутым наизнанку. И в течение минуты не смел пошевелиться. Лучи, падавшие из чужих зрачков, пришили меня к месту, словно булавки бабочку. Зрачки светились, будто фосфоресцирующие шкалы приборов, а приборы эти показывали приближающуюся катастрофу.

— Пошел ты! — сказал я, злобно скрипя зубами.

Никогда, ни на одну минуту не хотел я признавать над собой чьей-нибудь личной власти. Если кто-то пытался давить на меня, я либо вступал в борьбу, либо уходил в сторону. Никому не лизал задницу. И не стучал лбом в стену. Кое-кто считает, что я много потерял. И не сделал карьеру. И остался никем. И у меня нет так называемых «друзей». Но это мнение придурков, которые регулярно упражняют свой язык.

Однако есть еще власть общества и системы. Эта власть безлика и размыта. Ее давление неизбежно, удушающе и неумолимо. День за днем система лепит из тебя то, что ей нужно. Деталь. Всего лишь одну из миллионов. Лепит в точном соответствии с шаблоном. И в конце концов вылепит, можешь не сомневаться... Необитаемые острова, полинезийский рай, тибетское вольное молчание — лишь призраки, образы-тени,

окаменелости на зыбком дне твоего запуганного, раздавленного «я». Ты — стертая «индивидуальность», ограненная дешевка. Поэтому ты никуда не убежишь, а я буду слушать твои жалобы до самой смерти. И смеяться.

Ничего такого старик, разумеется, не сказал, а я не успел подумать. Наверное, это было лишнее. Он улыбнулся, но взгляд его не потеплел ни на градус и не стал менее безжалостным. Блеснули зубы. Я заметил себе, что у него хороший дантист.

— В тебе еще достаточно злобы, сопляк, — тихо проговорил старик. У него оказался глухой приятный голос, без этих противных визгливых старческих ноток.

— Доволен? — спросил я. — А теперь катись!

Со мной происходило что-то непонятное. Почему-то я не хотел поднимать шум и обнаруживать присутствие этого старика, оскорбившего меня. Хотя доберманы наверняка отбили бы у него желание вести ночные беседы. Беседы, кстати, отнюдь не душеспасительные. Сомневаюсь, что они могли иметь лечебный эффект. Тем не менее я покорно лежал и слушал его бред. Или бредил сам.

— Ты хотел бы выйти отсюда, сопляк? — спросил старик уже без улыбки.

Я пропустил его дурацкий вопрос мимо ушей и задал свой:

— Кто ты такой?

— Если тебе будет легче, жалкое создание, то назови меня как-нибудь. Давай поиграем в эту игру — тебе ведь кажется, что у тебя бездна времени. Какие имена тебе нравятся? А какие звуки?

— Много понта, старик! — сказал я. — Сделай что-нибудь, а не трепись.

Он покачал седой головой. Волосы у него были длинные, белесые и жидковатые, как у престарелого Игги Попа. Я окончательно убедился в том, что он не из наших. С таким хайром тут не держат. Я безуспешно пытался угадать, откуда он взялся. И все время я продолжал искать себя в выпуклых сияющих зеркалах его глаз...

— Мой первый вопрос отнюдь не глупый, — проговорил старик с отсутствующим видом. — Разберись в себе. Может быть, ты не так уж сильно мечтаешь выйти? Когда хотят — делают... Снаружи страшно — ты не забыл? Охота продолжается...

Он задел меня за живое. За ОСТАВШЕЕСЯ во мне живое. Оно было похоронено где-то в непроницаемом саркофаге моей неврастении.

— Кто ты, старик? Я не шучу... — Голос у меня стал хриплым, как у Леонарда Коэна, вдобавок повредившего связки.

— Скажем так: я помогаю освободиться.

— Кому?

— Слабым. Глупым. Тем, кто считает себя бедными и несчастными.

И тут меня осенило. Я понял, кого напоминает мне этот клоун в его маскарадном тряпье. Я испытал даже какое-то облегчение, когда все превратилось в буффонаду. Однако радость узнавания оказалась недолгой. Потом меня будто обухом ударило. Разочарование было глубоким и болезненным. Мой чердак уже никуда не годился — в нем поселились призраки и фальшивые надежды.

Но старик не исчез. Он по-прежнему сидел передо мной — его дряхлая плоть излучала сверхъестественную, опрокидывающую силу.

— Фариа! — сказал я со всей издевкой, на которую еще был способен. — Я буду называть тебя Фариа, ты, обезьяна! Я понял тебя. Я прекрасно тебя понял. Лучше я подожду, пока ты сдохнешь, и посмотрим, что будет дальше!..

На него это не произвело никакого впечатления. Он был выше моей злобы и мстительности и безмерно выше моей боли. Страдание не могло вызвать в нем жалость — он действительно считал страдание следствием человеческой глупости и бесконечного несовершенства...

Он встал и направился к окну. Прошел сквозь решетку и растворился в лунном сиянии.

— Жди, — донесся до меня его голос, и одно только это слово убило во мне остатки иллюзий.

4

Я заснул только под утро, да и то от усталости, поэтому пробуждение было тяжелым.

Явь казалась мутной, как вчерашний суп. Троица из «Менструального цикла», обнаружив отсутствие Карлуши, нестройно выла «You Gotta Move» на плохом английском. Видимо, в знак протеста. Их вой и разбудил меня.

Я оторвал голову от тощей подушки и спросил сквозь сон:

— А где этот мудака Фариа?

Через секунду до меня дошло, что я ляпнул не то. Рокеры заткнулись и уставились на мой зевающий рот. Шура Морозов тут же нацелил на меня свои востренькие глазки. Псих — а чуёт, где жареным пахнет! Писатель глядел с тревогой за судьбы человечества. Очевидно, все пятеро решили, что я — следующий кандидат на промывание мозгов. Потенциальная жертва лоботомии. Макмерфи⁷ доморощенный...

⁷ Макмерфи — герой романа Кена Кизи «Полет над гнездом кукушки».

Действительно, я засиделся в палате. В последний раз к моей черепушке подсоединяли электроды месяцев шесть назад. Мне повезло — меня пока что изучали, а не «лечили». Дело в том, что моя болтовня подтверждалась некоторыми фактами — трупами в «Черной жемчужине» и в парке, разбитыми тачками и так далее и тому подобное (читайте о моих подвигах в вышеупомянутой книжонке). Менты пытались разобраться, но, поскольку заявлений от потерпевших не поступало, бросили. Меня они потерпевшим не считают...

— Ты это о ком, старичок? — ядовито спросил Глист. — У нас, между прочим, траур. А ты, значит, поц невзрачный...

— Заткнись! — бросил я, и впервые за четыре года Глист не огрызнулся. Это было настолько странно, что наводило на размышления.

Жалко, что в нашем узилище нет зеркал — давненько я не лицезрел свою физиономию. Иногда, в солнечный день, если поднапрячься, можно увидеть свое отражение в оконном стекле — неясное и испещренное мушиными экскрементами. Я попробовал сегодня и увидел бледного бритоголового призрака со впалыми щеками, заросшими недельной щетиной. Глаза провалились так глубоко, что я не сумел разглядеть зрачки; только две точки ослепительно сверкали, словно

частицы солнца. Их блеск был странным и неестественным.

* * *

Понедельник — просто день, незаметный в бесконечной череде таких же серых дней. Я давно перестал их различать. Это у господ писателей понедельник — день тяжелый. Наш кадр, например, с утра до вечера ходил по палате туда-сюда. Сочинял. А то, что сочинил, пытался выучить наизусть. Зачем — непонятно, но, должно быть, питает иллюзии. Хочет потомков осчастливить. Однако похоже, потомки останутся несчастными, как и все предыдущие поколения.

Дело в том, что Сенбернар запретил давать нашему писаке ручку и бумагу. Закрыл доступ к средствам производства. И даже снизошел до обоснования. Дескать, ручкой можно глаза выколоть. Мне кажется, что при желании глаза можно лишить и пальцем. Хорошо, что я этого Сенбернару не сказал — он бы нас всех точно изувечил. И лакали бы мы тогда суп из мисок, как натуральные бобики...

В общем, писатель ходил и бубнил себе под нос (память у него хреновая), Шура Морозов мозаику из бумажных обрывков складывал (вырвал, скотина, страницу из моего Мастерса), «МЦ»

затянули «Протопи ты мне баньку по-белому», пока не появились доберы и не настучали им по ушам.

Нас построили в шеренгу — и в сортир. Затем в столовую. Ем я все меньше и меньше. Наверное, сказывается недостаток движения и секса. Особенно секса. Даже со здешней убогой порцией мне уже не совладать. Скоро рассыплюсь в пыль, как мумия. Ну и черт с ним, с этим Максом, — самому, признаться, надоел до чертиков. Растение, простейшее, амеба...

Весь день я думал о ночном госте. Пытался убедить себя в том, что не было никакого гостя. Но даже если так, то что означала эта галлюцинация? Почему я придавал ей особое значение — в отличие от всего остального? У меня бывали кошмары и пострашнее. Кошмары — и никаких надежд.

5

Одна из ночей на той же неделе. Может быть, со среды на четверг, может быть, с четверга на пятницу. Сны, конечно, меня не миновали. Правда, после позавчерашней процедуры мне уже не снится ничего эротического. Ничего красивого. Ничего из прошлого — ни синее небо детства, ни крымские пейзажи, ни чувственно-печальные ангелочки страсти... Мозги выжжены током, и черно-серые сны припорошены гарью. Глотка того «я»,

которому что-то снится, забита пеплом, а глаза разъедает дым.

Тот «я», которому что-то снится, заперт в ловушке. Надежнее, чем в древнеегипетской гробнице. Она чуть побольше моей палаты и заполнена трупами всех тех, кого я когда-либо знал. Трупы не разлагаются, это просто символы отсутствия жизни, абсолютно статичной ситуации, словно кто-то говорит мне: «Все, что ты считал живым и подвижным, на самом деле таковым не является».

Если прогуляться по этой страшной галерее, то можно отыскать и труп Ирины Савеловой. Она одета так же, как в тот день, когда мы бежали из имения мультимиллионера Макса. На ней мои джинсы и мужская рубашка, расстегнутая до пояса. Я вижу ее упругие загорелые груди с затвердевшими сосками и кружками, огромными, как доньшко стакана. Длинные ресницы томно опущены. Между приоткрытыми губами поблескивает язык.

Можно было бы заняться любовью с трупом моей подружки, но сейчас она не вызывает у меня желания. Похоже, я освобождаюсь от привязанностей, однако вряд ли это путь к нирване.

Нет, нет и еще раз нет. Это путь к следующему мертвецу.

Клейн. Не думал, что и он окажется здесь; во

сне я вообще не думаю. Все появляется, как неоспоримая данность... Масон одет в свой всепогодный черный костюм, а на его щеках углем и помадой нарисованы масонские знаки. У него потухшие глаза, которые кажутся стеклянными, а пальцы отвратительно скрючены. В одной руке — какой-то корень, отполированный до удивительной гладкости. Форма корня напоминает мне что-то, но я не могу понять, что именно, — дым по-прежнему разъедает глаза.

Я закрываю их, но продолжаю видеть кладбище своего прошлого сквозь прозрачные веки...

Несколько бывших любовниц. Некоторые весьма привлекательны, но я холоден, как отмороженный пингвин... Один из моих одноклассников, попавший под поезд и потерявший ногу... Соседская девочка, сварившаяся в кипятке. У нее пористая серая кожа, и я содрогаюсь даже во сне... Все это демонстрирует мне полное превосходство смерти, нестерпимую абсурдность и нелепость человеческого бытия...

И тут я увидел Фариа. Старый интриган лежал на кровати, позаимствованной кошмаром из нашей палаты. И он был мертв. Его профиль с твердым подбородком и прямым носом выделялся на фоне стены. Между веками — две черные щели. Лицо и кисти рук отливали смертельной бледностью даже в

мглистой атмосфере того сна.

И вдруг я понял, что это не сон. Мертвый Фариа вновь посетил меня, расположившись на Карлушиной кровати. Я повернулся на бок, чтобы получше разглядеть его. Реальность происходящего казалась незыблемой. Луна истекала за окном лимонным соком. Никакой туманной дымки сновидения, никакого некрополя, никакой неопределенности. Все предельно материальное и знакомо до мелочей — от царапин на стене до легких позывов к мочеиспусканию. Мне показалось даже, что отдохлого старика доносится запах разложения.

— Урок первый, — произнес голос Фариа над моим левым ухом. — Мертвое иногда возвращается к жизни.

Он еще не договорил, а я уже дернул головой, рискуя повредить свои шейные позвонки. Сзади — никого, если не считать сопящего в двух метрах от меня Глиста. Никого; даже не было намека на скользнувшую за спину тень.

— Не крути головой, сопляк, — сказал Фариа. Голос по-прежнему доносился из некоего места, находившегося чуть позади и выше моего левого плеча. — Да, я именно тут. Рядом с твоей смертью. Мы подружились. Я уговорил ее подождать.

С меня было достаточно. Ах ты, думаю, Дон

Хуан⁸ гребаный! Мало того, что дни мои тоской зачеркнуты, так ты будешь мне еще и ночи поганить!..

Но тут до меня дошло, что я, возможно, сам с собой в эти игры играю. Культивирую интеллектуальный онанизм. Мозги мои сдвинутые уже начинают мне подлянку подкладывать. Что-то с мозгами происходит — что-то страшное. Захотелось пальцы сквозь череп просунуть, запустить их в это самое серое вещество и разодрать его ногтями!

Должно быть, я на кровати вскинулся; сетка взвизгнула так, что Глист проснулся. Выматерился и уставился на меня, как затраханый филин:

— Макс, ты там дрочишь, что ли?!

Я хотел ответить. Даже рот открыл. И в этот самый момент сообразил, что Глист должен видеть не только меня, но и мертвеца, лежавшего на соседней кровати. Однако «менструаторщик» только похлопал заплывшими глазками и внезапно сел. Такое с ним бывает. Я взвыл про себя — Глиста потянуло на ночной разговор.

Раньше я его слушал бы. Из какой-то дурацкой человеческой солидарности. Но сейчас я понял, что эта солидарность утопит меня в море

⁸ Дон Хуан — индейский маг, учитель Карлоса Кастанеды.

слов. Я не мог позволить себе утонуть. Я чувствовал, как мертвые и живые тянут меня ко дну. Из лучших побуждений. Вместе умирать легче.

— Заткнись! — рявкнул я. В последнее время моя речь не отличалась разнообразием. — Ложись спать. Спать!

Даже если он был полным придурком, то не мог не заметить мертвого старика на кровати. Тот находился в трех-четыре метра от него, но взгляд Глиста скользил как по пустому месту.

Не говоря ни слова, «менструаторщик» приготовился уткнуться мордой в подушку.

— Стой! — внезапно сказал я. Хотелось, черт возьми, полной определенности. — Куда подевался Карлуша? Кровать пятые сутки пустая...

Глист посмотрел на меня с легким сожалением. Добрый он все-таки парень. Чувствительный.

— Ты приехал, чувачок, — сказал он радостно. — Все! Последняя остановка. Здоровья нет и уже не будет! Завтра тебе просверлят в головке маленькие дырочки. Здесь, здесь и здесь...

Его палец оказался возле моего виска, словно заранее намечая те именно места, где завтра появятся маленькие дырочки...

— Спи, скотина, — бросил я, отворачиваясь. А затем на всякий случай протянул руку и потрогал холодную ладонь мертвого старика. На ней

остались углубления от моих ногтей. Этот труп был не менее реальным, чем я сам.

— Хочешь перебраться на Карлушину кроватку? — спросил сзади Глист.

Я дернулся, и он тотчас же забился под стену. Раньше он меня не боялся (как можно бояться дистрофика, в котором осталось пятьдесят пять килограммов костей и дряблой кожи?), однако в последнее время начал уважать старших.

Прошло минут десять, а может быть, двадцать. Я неотрывно смотрел на труп. Казалось, от него исходит холод, и волна омертвения медленно распространялась по моим конечностям...

Потом веки Фариа дрогнули. Уголки его глаз заблестели. Губы набухали кровью. Восковая фигура постепенно превращалась в человека. С тихим хрустом распрямились пальцы.

Впервые в жизни я наблюдал, как зарождается дыхание. Легкое, совершенное, глубокое — дыхание существа, пьющего прану. Для него не было помех в виде железобетонных перекрытий и толстых кирпичных стен. Звезды истекали дармовой энергией, которая наполняла поднебесное пространство. И труп возвращался к жизни...

Фариа сел на кровати легко и бесшумно. Он двигался так, словно перетекал в новую форму. Я понял, что могу простить ему многое, если не все.

Он смотрел на меня с безграничным превосходством, будто был сверхсуществом со звезд или из поповских легенд. Я начинал верить ему, хотя считал, что уже не способен поверить никому.

— Урок второй, — сказал Фариа, который еще минуту назад был мертвее глиняных табличек из Мертвого моря. — Ты должен научиться оставлять свое тело — это опыт фиктивного бессмертия. Тогда ты перестанешь бояться; это придаст тебе неуязвимость...

А вот тут мне опять захотелось послать его к черту. Он болтал, как проповедник, — но я не знал никого, кому помогли бы одни только слова. Вскоре выяснилось, что я недооценил старика. Он не ограничился пустопорожней болтовней и начал действовать. Его действие, поначалу незаметное, расплющило мое «эго» и перевернуло всю мою жизнь.

6

Нечто висело совсем близко от меня. Оно было невидимым, однако я ощущал его присутствие. Оно проникло внутрь — поверьте, это было совсем не так приятно, как соединиться с женщиной, и гораздо хуже, чем появиться голым в каком-нибудь кабаке.

Я почувствовал себя эксгибиционистом поневоле. Тому, что оказалось во мне, было плевать на мою плоть, и впечатление было таким, что оно равнодушно вертит в своих бесплотных пальцах мою нагую душу — вертит, будто никчемную стеклянную безделушку, которую кто-то тщетно пытался выдать за бриллиант...

Когда я немного привык к этому и посмотрел на Фариа, то снова увидел омертвевшего старика. Он не дышал; его тело окаменело в устойчивой позе; улыбка застыла на губах — от нее веяло неземным покоем. Счастливый корм для червей. Будда всех шизофреников, тщетно жаждущих спасения.

Его сущность, не вполне человеческая, находилась во мне, слилась со мной. Он сделался частью сознания, к которой прилепилась моя трепещущая душонка. Через мгновение я почувствовал, что меня вынимают из тела, словно руку из перчатки. Легкое смещение, неопишное изменение, неуловимо отличающееся от любого мыслимого движения, — и вдруг я стал намного больше того, чем был прежде. Я смотрел во все стороны миллионами глаз, но лишь с огромной натяжкой это можно было назвать «зрением».

Я испытывал невероятное облегчение. Я осознал, что колодки плоти — это предельное зло, подлинное проклятие, худшее и самое совершенное

изобретение дьявола. Так мне казалось тогда. Сейчас я так уже не думаю.

...Справа и подо мной находилась моя бритая голова. Я впервые увидел себя со стороны и ужаснулся. По правде говоря, ужас мне внушала мысль о том, что рано или поздно придется возвращаться. Зачем? Не знаю. В этом была некая предопределенность, прекрасно переданная вульгарной фразой: «за удовольствие надо платить».

Существо, вытряхнувшее меня из полутрупа, повисло где-то рядом, но слова «рядом», «справа» и «под» не совсем верны. Они обозначают относительное местоположение в пространстве, а «там» не было ничего подобного. Другое дело, что я не мог оценить значение этого странного опыта, будто кролик, которого запустили в космос. Да, умереть теперь было бы полегче, но не жить — вот в чем вся штука! Иное существование — оно просто ИНОЕ, а как быть с ним, этим тараканом в банке, ничтожным насекомым по имени Максим Голиков?..

Треклятый Фариа наверняка почувствовал что-то и поэтому отпустил меня. Вне его защиты я ощутил потерянность — дичайшую, жуткую, непреходящую. Даже сравнивать ее с человеческим отчуждением было кощунственно. На изнанке жизни господствовали абсолютный холод, полное

запустение. Я был слепым детенышем, навеки утратившим мать. Да и была ли она вообще? Здесь никто не рождался, но кое-кто умирал... Потусторонние течения медленно переносили призрачный прах. Сознание мутилось, подверженное мертвенным влияниям... Тут было гораздо, неизмеримо хуже, чем в любой, самой страшной земной тюрьме. Потому что не было конца страданию. Даже в прахе тлела ужасная истина...

Если бы не Фариа, я, наверное, сгинул бы в том мрачном океане без берегов и островов, и носился бы, словно Летучий Голландец, — черный сгусток, навеки замороженный ужасом. Фариа, этот нелюдь, природа которого оставалась для меня тайной, был непрочной опорой, но единственной. Мне ничего не оставалось, как только цепляться за него из последних сил, пренебрегая дурацкой логикой, расшатанным рассудком, предательской памятью. И еще я понял, что Клейн не обманывал меня в самом важном. То, о чем раньше я знал лишь понаслышке, теперь пришлось испытать самому...

В первый момент «возвращения» мне показалось, что я — легкий и зыбкий, как свет, — пытаюсь втиснуться в голема. Мучительная сухость, тяжесть, безжизненная глухота глины... Неподвижность, неспособность сопротивляться, чудовищная слепота...

Все это длилось целую вечность, пока я не поднес к лицу одеревеневшую белую руку и не начал пальцами открывать свои веки...

7

А потом Фариа исчез на долгие два месяца. Еще никогда ожидание не казалось мне до такой степени невыносимым. Время тянулось, как жевательная резинка, оставленная проституткой на стойке бара, и внушало такое же отвращение. И нарастал страх — оттого, что ничего не происходило... В первые дни после «урока» я ощутил прилив энергии, ненужной и почти вредной для моего цыплячьего тела. Она не могла найти выхода и начала понемногу пожирать меня изнутри, превращаясь в отработанный шлак отчаяния.

Фразы старика о бессмертии и неуязвимости многократным эхом звучали в моей голове, но только раздражали, как назойливый мотив. Тот «урок» ничему меня не научил; по крайней мере, я так думал. Я был свалкой ядовитых отходов собственного цинизма. Я чувствовал себя ничтожным и жалким, уже не способным сыграть в ту игру, в которую втягивал меня Фариа.

Слишком поздно, слишком поздно... — в те дни я понял, что это значит: слишком поздно. Все в

этой жизни приходит слишком поздно — и настоящая любовь, и ненависть, и признание, и падение, и вера, и безверие, и успех, и даже избавление. А кое-что не приходит никогда, но если ты наконец смиряешься с этим, то оказывается, что и смирение твое безнадежно запоздало.

Проклятие, кажется меня клонит в тошнотворную литературщину. Тут существует опасность впасть в маразм, что мне, человеку с отклонениями, в общем-то простительно. Когда пишешь слишком много, писанина неизбежно становится «вещью в себе», и поневоле начинаешь ловить кайф, если получается неплохо. Так я открыл, что мне не чужд главный грешок всех писак: они относятся к своим опусам слишком серьезно... Ну ничего, это ненадолго — скоро для ручки и бумаги не останется ни времени, ни желания.

И все-таки я не угомонился и тренировался, когда меня оставляли в относительном покое: чаще по ночам, в своей коечке, а днем в сортире или в душевой. В последнем случае — в присутствии доbermanов. Стоя за тонкой перегородкой, я слышал их учащенное дыхание сквозь плеск воды. Они возбужденно истекали слюной. Так на них действует наше голое незащитное мясо. Кроме того, все мы трусливо излучали жертвенность. Нам повезло, нам очень повезло, что среди наших

санитаров не было «голубых»!

Честно говоря, мне больше ни разу не удалось выйти из тела. Может быть, страх ввелся глубоко в сознание, может быть, грехи в рай не пускали. Фариа, я плохой ученик! И, наверное, ты правильно сделал, что бросил меня к черту...

Между тем кое-какие печальные события все же имели место. Пока я был всецело поглощен собой, очередной персонаж безвозвратно исчез со сцены с кафкианской необъяснимостью и обреченностью. На этот раз Сенбернар почему-то решил промыть мозги моему собрату по перу. Наверное, господин сочинитель окончательно свихнулся, пытаясь запомнить собственный бред.

У меня появилось иррациональное чувство, что я стою в очереди на уничтожение. Зло, неведомое, но неотвратимое, словно падение гильотинного ножа, подкрадывалось все ближе, вернее, меня самого тащил под нож дьявольский конвейер. Люди, покорные, как телята, которых ведут на убой, стояли на конвейере впереди и позади меня. Все знали: те, кто впереди, не возвращаются. И каждый заклинал судьбу: «Только не я, только не я, только не я! Ведь я счастливчик с детства...» Спи спокойно, счастливчик! Тебя уже сожрали псы и запили твоим благодушием. Мне кажется, будто я еще слышу твой шепот, но это какой-то другой, столь же неисправимый дурак

надеется на чудо...

Я пытаюсь снова и снова сойти с конвейера. В темноте безлунной ночи, выкалывающей глаза, я отказываюсь от своей привязанности к телу, презираю этот ни на что не годный инструмент, не оставляю нелепую надежду извлечь силу из пустоты. Я не знаю, поможет ли мне это сбежать, вернуть ту, которую я люблю, или хотя бы обрести самого себя.

8

Наконец-то появился этот клятый аббат!

Я думал, что мы репетируем тихий мирный побег и старику останется только в нужный момент выдернуть меня из моего полудохлого организма. Правда, существовала опасность очнуться где-нибудь в больничном холодильнике со вскрытым животом и увидеть рядышком на полочке собственные мозги, но, как говорится, кто не рискует... Ненавижу «Шампанское»! Не-на-ви-жу этот газированный сок!

Должен заметить, что граф Монте-Кристо из меня никакой. О мести не могло быть и речи — я даже не знал, кому мстить. То, что люди являлись всего лишь марионетками, а ниточки от них тянулись в другой мир, я понимал прекрасно, однако симпатии к двуногим и к самому себе это не

добавляло. Еще я понимал, что никогда не стану свободным, — вне этих стен я обречен на новое бегство, непрерывное бегство. Причем с обязательной перспективой уничтожения. Даже Клейн не спасся, а я был слепым щенком в сравнении с ним.

Но, оказывается, я ошибался, намереваясь отлежаться в гробу, пока смерть будет обдѣлывать мои делишки. Тихого ухода не получилось; как и масон, этот новый «союзничек» не придавал ни малейшего значения моему стремлению к покою и моему желанию остаться незаметной невинной овечкой и малопривлекательной мишенью.

Он появился в конце мая, когда жизнь и весна тщетно бились о грязные стекла наших окон. Зелень была как осадок на дне пивной бутылки, а небо — как застоявшаяся вода в бассейне. Голоса птиц звучали приглушенно, и затерянно выли в утреннем тумане заводские гудки...

В нашу палату все еще никого не подселили, и мы оставались впятером: я, детоубийца Морозов, Самурай, Потный и Глист. Самурай, извращенец, поочередно спал на освободившихся коечках; видимо, это давало ему иллюзию выбора. Потом кто-то из дежуривших ночью доберманов заметил это, и Самурай вынужден был усвоить команду «Место!». Его дрессировали довольно-таки негуманным способом.

А я был послушен и терпелив, как никогда. Усыплял бдительность, чертов конспиратор. Воскресные прогулки не были отмечены подарками судьбы — доберы предпочитали слушать спортивные новости, репортажи с футбольных матчей или совсем уж поповскую лажу, которая приторным тающим сиропом стекала по их стоячим ушам.

По ночам стало чуть полегче. Кошмары продолжались, но как бы отодвинулись на безопасное расстояние: я наблюдал за ними со стороны — одинокий зритель в собственном кинотеатрике ужаса. Сломанный проектор воспроизводил рваные куски, темный зал был полон тревожного и зловещего ожидания, а на экране мелькали тени ощущений, призраки желаний, беспросветные кляксы страха...

В одну из таких ночей фильм прервался. Я лежал во мраке, спеленутый покорностью, и уже не пытался прикидываться трупом.

— Урок третий, — произнес Фариа, и я почувствовал себя так, словно, блуждая в глухом лесу, наконец нашел дорогу к дому.

Как мало надо человеку, чтобы зацепиться за надежду! Иногда достаточно услышать призрачный голос в темноте:

— Урок третий. Концентрация. Сила без концентрации бесполезна и не может быть

проявлена...

Я искал старика взглядом. Была ночь новолуния, поэтому видел я немного — только чей-то силуэт на пустой кровати. Тихий голос звучал как странная музыка; я не очень вникал в смысл слов. Давно устал от мертвой мудрости. Слова «сила», «концентрация», «проявление» оставались абстрактными до отвращения.

Включился я только тогда, когда Фариа заговорил о конкретном.

— Какое оружие тебе нравится? — спросил он вдруг.

Что ж, поболтать на эту тему я люблю.

— Огнестрельное было бы неплохо.

Мне показалось, будто он разочарованно хмыкнул.

— А что именно? — Он задавал вопросы тоном пресыщенного гурмана, обсуждающего с голодным недоумком меню дешевой закуской.

Конечно, я сразу вспомнил свою любимую пушку, выручавшую меня дважды, нет — трижды! Черт возьми, я любил ее почти так же сильно, как родную мать, — ведь она подарила мне целых три жизни, — а сеньора Беретту почитал не меньше, чем родного отца.

Фариа вдруг перевоплотился во фрейдиста-психоаналитика и понес какую-то чушь:

— Значит, тебе нравятся пистолеты... Ты не

задумывался почему? Может быть, ствол напоминает тебе пенис, выстрел представляется аналогом семяизвержения, а следующий за ним разрушительный результат есть символическое проявление агрессивного мужского начала?

Признаться, я не нашелся, что ответить. Интерпретация моей склонности была не такой уж глупой, как могло показаться на первый взгляд. Моя мысль поневоле перепорхнула на длинноствольные винтовки, автоматы, помповые ружья, гранатометы — и уже подбиралась к розовым мишеням, когда Фариа оторвал меня от оружейно-эротических фантазий, на которые сам же и натолкнул.

— Ты отвлекаешься, сопляк! — Его голос стал строгим и угрожающим. — Я трачу на тебя силы и время, а значит, собственную жизнь, но, возможно, ты безнадежен.

— Иди на хер, старик! Знаешь, что такое четыре года без бабы? Я не человек, пока не получу то, чего хочу.

— Так тебе нужна женщина? Жалкое создание... — разочарованно пробормотал Фариа. — Ладно, приведу, — пообещал он потом (и не соврал, привел, чтоб меня черти взяли! Но об этом позже).

И продолжал морочить мой изрядно замороженный чердак. «Направленный взрыв...

Пуля в узком канале ствола... Канал Сусумна в позвоночном столбе... Нервные проводники Ида и Пингала... Власть изнанки... Превосходство темной стороны... Пробуждение энергии в Муладгхаре... Смертельная концентрация... Прохождение через Сусумну... Выстрел... Реакция... Отдача... Разрушение...»

Я мало что понял. Аналогия между огнестрельным оружием и человеческим организмом была для меня столь же несущественной, как сравнение «беретты» с пенисом. Я предпочел бы реальную помощь, а не отвлеченную трепню. Меня вполне удовлетворила бы материализация желаний, которая, к примеру, имела место на харьковских задворках, где семеро бритоголовых уродов пытались сделать из нас с Иркой приправленный кровью салат.

Но Фариа, этот змей-искуситель, вел себя как законченный садист. Он дразнил меня, отодвигая наживку в тот самый момент, когда я готов был проглотить ее. Постепенно он вовлек меня в свою жестокую игру, и я понимал, что играть мне осталось недолго. Мои сожженные током мозги превратились в сгусток золы, закопченные глаза видели только тени, а из ушей тянуло запахом гари...

Она появилась следующей ночью. Я только начал погружаться в кошмар, и тут она придавила меня сверху своим роскошным восьмидесятикилограммовым телом. Ее кожа слабо светилась в темноте, и нельзя сказать, что я был от этого в восторге. Радиоактивная Венера взгромоздилась на мой таз, расплющив усыхающий стручок, а я все еще не мог прийти в себя от неожиданности.

Должно быть, аббат выбирал ее по своему вкусу, которого я не разделял. Рубенсовский тип. Секс-символ эпохи Возрождения. Пышная, рыхлая, вся в живописных складочках — эдакий ходячий гимн плоти. Лунообразное лицо было добрым и глупым.

Как ни достало меня воздержание, я, хоть убей, не мог возбудиться! Ирка стояла перед глазами — с ее упругой кожей, тугими ягодицами, длинными лоснящимися ногами, тонкой талией и плоским животом...

Понимая, что сравнить давление мне все же необходимо, я последовал правилу «ночью темно...» и закрыл глаза. Действительно, давление достигло опасного уровня, но не там, где надо. Мой череп трещал, а удовлетворить Венеру я и не надеялся.

И тут я расслабился, то есть расслабился

совершенно. Мне стало все по фигу — эта баба из преисподней, Фариа с его фокусами, Виктор, Савелова и я сам. Ничто не имело ровно никакого значения. То, что было у меня между ног, вдруг превратилось в механизм — бесчувственный и неуправляемый.

Через десять минут Венера колыхалась на мне, как присыпанный фосфором студень, и задирала лицо к потолку, безмолвно прося пощады. Я лежал и равнодушно глядел на это жутковатое представление, ощущая себя живым только выше пояса... А потом ясность и облегчение внезапно снизошли до меня; я истратил жизненную силу, зато проветрил мозги. Самому себе я казался паровым котлом, который лишь чудом не взорвался.

Венера опустилась пониже. По части секса она умела многое. Языком и губами она работала с исключительным мастерством и быстренько довела меня до кондиции. Я еле сдерживался, чтобы не заорать. Представляю, что началось бы, разбуди я своими воплями придурков из «МЦ», — такое и не снилось постановщикам порнофильмов! Потом я вообразил себе наших тощих гранжеров рядом с этой пышкой и начал тихо хохотать.

Венера оказалась дамой невзыскательной и необидчивой. Она не отвлекалась — забот у нее был полон рот. Я даже хотел провести эксперимент,

чтобы узнать, заметит ли кто-нибудь ее присутствие, — я ведь помнил, что Глист не видел и не слышал Фариа, как будто старика вовсе не существовало. Это означало одно из двух: либо мои галлюцинации совершенно неотличимы от реальности, и я был просто-напросто конченным придурком, либо аббат и его «подарок» посетили меня на самом деле, и тогда врач нужен Глисту, а не мне. Все эти рассуждения не тянули даже на гнилую философию, тем более что спустя пару минут мне стало вообще не до того...

* * *

Провожал я Венеру с чувством огромной благодарности, переполнявшим мою изрядно помятую грудную клетку. Она исчезла примерно так же, как ее босс, — просочившись для начала через оконную решетку. Без всякого напряжения. Не поднимая пыли. Это было впечатляющее зрелище, чем-то напоминавшее компьютерные навороты с терминатором T-1000 в «Судном дне». Возникшая ассоциация показалась мне на редкость удачной. Имя «Венера» как-то поблекло в сознании, и с той минуты в своих мыслях я ласково называл гостью «мой терминатор».

Так вот, исчезла она, постепенно растаяв во дворе. Я даже подумал: неужели ее и в самом деле

никто не видит? Мне, пожалуй, хотелось бы стать свидетелем небольшого переполоха — это укрепило бы меня в моей шаткой вере, ведь я мог усомниться в чем угодно. Но все было тихо, ночь глуха и беззвучна; и только в присутствии спавших рядом людей я был уверен совершенно.

— Что — бессонница? Прими таблеточку, — зашептал вдруг деликатный Шура Морозов из своей кровати, стоявшей возле двери. Было темно хоть глаз выколи, и я не мог его разглядеть, как ни пытался. Но голос у подлеца был вполне бодрый, то есть он наверняка не спал уже минут десять. Это наводило на размышления, от которых чердак превращался в карусель.

Я ничего не ответил и притворился дауном. Тем более что теперь меня действительно клонило в сон. Чресла немного побаливали (сказывалось длительное отсутствие тренировки), зато нервишки чуть поотпустили, а серенькое вещество плавало в приятном теплом бульончике. И я плавал вместе с ним. Плыл, плыл, плыл, пока не приплыл туда, где меня уже не было.

Только перед самым концом мне показалось, что я вдруг услышал далекий голос Фариа, который спросил:

— Доволен, животное?

Рано утром я начал отжиматься, рискуя снова оказаться с вывихнутыми пальцами. Пока Морозов спал, я успел сделать три подхода. Всего отжался девять раз. После этого сил во мне осталось примерно столько же, сколько в копченой селедке. Не знаю, что меня сподвигло на такое, но «довольное животное» явно чувствовало себя чуть менее тоскливо, чем обычно. Тупую апатию окончательно вытеснило тревожное ожидание. Долго ждать не пришлось. Джаз начался в ближайшее воскресенье.

* * *

Когда один из доберов повел меня на прогулку в бетонный коридор, я сразу понял, что дежурные санитары придумали какую-то новую гадость. Дверь в их комнату была плотно закрыта, а за стеклом маленького окошечка мелькали разномастные затылки.

В тот день меня пас Гоша — обрюзгший любитель пива двухметрового роста. Его барабан выдавался вперед метра на полтора. Ясно, что для равновесия доберу понадобилась соответствующая корма, а плечи он невольно отставлял назад. Жирный загривок был подстрижен, как выражался один мой знакомый, «заподлицо с ушами». Лично

мне Гоша напоминал выкупавшуюся в пиве свинью, на которую по недоразумению натянули халат.

По пути он подгонял меня добрыми ласковыми словами, дружески тыкал кулаком в спину и пинал чуть пониже поясницы. Он явно торопился — в комнате дежурных происходило что-то интересное. Я не думал, что это животное можно чем-то заинтересовать, но именно так он и выглядел.

Гоша бросил меня в мрачной кишке, а сам рванул к двери, пританцовывая от нетерпения, как возбужденный бегемот. Я примерно догадывался, что это означает. Однако до сих пор санитары развлекались днем крайне редко — ночью времени было вполне достаточно. Кроме того, ближайшее женское отделение находилось в соседнем здании, а подземный переход уже давно был завален всяким хламом.

Когда добер открыл дверь, я услышал голос, от которого у меня все внутри перевернулось. Злоба черным шаром взорвалась в мозгу и едва не вышибла глазные яблоки. Меня затрясло — и тщедушное тело, и рабскую душонку. «Началось, — подумал я. — Началось!» Наступил день, когда надо было действовать. Бежать или подышать...

За дверью поддали громкости, и теперь оттуда

доносилось: «Когда меня ты позовешь, боюсь, тебя я не услышу». В полном соответствии со своим диагнозом я рассмеялся. Хохма была просто невероятная, термоядерная! Уверен, что именно в таком виде — с глупой улыбкой на лице — я и возник на пороге конуры, которая была святилищем наших доберов...

11

...И застал прелюдию к групповухе.

Ирку я узнал сразу же, несмотря на ее худобу и то, что она была еще зеленее меня. Двое доберов пытались сделать ей «скамейку». Для непосвященных объясняю, как это выглядит: Ирка стоит на четвереньках, один ублюдок со своим взведенным прибором приближается сзади, другой спереди.

Она, конечно, сопротивлялась. Пижаму с нее сорвали, и на теле были видны характерные следы от ударов резиновой дубинкой. Скорее всего, это слегка размялся Гоша, спина которого заслоняла мне ровно половину интерьера.

Хуже было то, что я не знал двух других санитаров. Не представляю, откуда они взялись и почему нарушили собственные правила: обычно доберманы предпочитают более покладистых пациенток, чтобы не искать приключений себе на

голову и не иметь проблем с Сенбернаром.

Новенькие выглядели как журнальные плейбои — молодые здоровые самцы с неестественным загаром. Можно было подумать, что они совсем недавно вернулись из круиза по Средиземному морю. Из-под халатов виднелись приспущенные голубые джинсы. У одного парня гладкие темные волосы были собраны в «конский хвост» и перевязаны черной траурной лентой. На безволосой, блестящей от пота мускулистой груди болтался «анх» — египетский крест. Я опустил взгляд пониже и увидел, что с прибором у этого жеребца не все в порядке — ему явно не доставало головной части...

Еще никто не успел ничего сделать, а я уже почувствовал что-то вроде болезненного толчка в живот. Ноги задрожали самым предательским образом. Пауза длилась меньше, чем мне хотелось бы. Потом время сорвалось с места и помчалось, как гончая за зайцем.

Гоша развернулся и выпучил глаза. Похоже, он был удивлен не меньше, чем я. Моя наглость просто не укладывалась в его свиной голове. Выразился он, конечно, непечатно. Первое слово в его тексте было «пошел», а последнее — «придурок» (то, что поместилось между ними, все равно не опубликуют (примечание посредника)). Пока он говорил, я прикидывал, куда будет

направлен удар дубинкой, которую он машинально поглаживал, словно искусственный член.

— Макс! — заорала Ирка то ли от радости, то ли от неожиданности. Лицо у нее было безумное, будто она увидела привидение.

В ту же секунду я изо всех своих реликтовых сил врезал Гоше ногой по яйцам. То, что я сумел попасть, можно объяснить только полной внезапностью удара.

Ноги мои были обуты в мягкие тапочки, но и яйца добера не отличались крутизной. Он сложился пополам, что казалось невероятным при его брюхе, однако это меня несколько не обрадовало. Вырубить такую пивную бочку я все равно не смог бы, и было ясно, что после того как Гоша очухается и поприседает, мои шансы на продолжение рода станут равны нулю.

Тем временем добер с «хвостом» уже упаковал свой поврежденный прибор в джинсы и приближался ко мне, профессионально подергивая плечами. Ростом он был с меня, но почти в два раза тяжелее. Его кулаки смахивали на два отлитых из бронзы кастета.

Второй урод, похожий на истинного арийца, даже не счел нужным поторопиться (еще бы — хияк в тапочках не заслуживал особого внимания) и по-прежнему пытался обрадовать Ирку своей венской сосиской. Хорошо, хоть она быстро

сообразила, что к чему, и принялась помогать бедному старому Максу. Ее помощь оказалась весьма своевременной...

Я нагнулся и вырвал дубинку из Гошиных пальцев; тому пока было не до нее. Пришлось проявить жестокость и въехать ему по переносице. Я сделал это с нескрываемым удовольствием и услышал мелодичный хруст; капли кровавого дождя застучали по линолеуму, а Гоша взвыл, заглушая Кузьмина, все еще сомневавшегося в своем слухе.

Потом я увидел во всех подробностях черную подошву действительно дорогого ботинка, на которой имелась рельефная надпись «Ллойд». Фраер с «конским хвостом» решил размять нижние конечности. Удар пришелся мне в грудь и отбросил меня на дверь.

Повезло еще, что я не наткнулся на ручку, иначе из отверстия в поясице высыпался бы позвоночник. Дыхание сперло; несколько мгновений я пытался схватить ртом воздух. Откуда-то сверху на меня падали куски штукатурки и меловая пыль.

Доберманы захохотали, но Белокурой бестии вскоре пришлось заткнуться. Моя куколка проделала с ним примерно то же самое, что я незадолго до этого проделал с Гошей...

Интересно, почему главное достоинство

самцов одновременно придает им такую уязвимость? Я дал себе слово когда-нибудь подумать над этим, а тогда мне пришлось срочно отклеивать себя от двери, потому что Ирка, похоже, могла стать жертвой номер один. Ее кулачок, врезавший санитару между ног, уже был зажат в его лапе, а предплечье вывернуто под углом, угрожающим целостности локтевого сустава. Несмотря на распухшие яйца, добер собирался сломать ей руку и был близок к успеху.

Я использовал тушу скрюченного толстяка в качестве трамплина, прыгнув метра на три вперед, чтобы оказаться вне зоны досягаемости Хвоста. Для меня, дряхлого лысого кенгуру, это был выдающийся результат. Красивый «торнадо» добера не достиг цели. Я приземлился на свои подкашивающиеся ходули и в падении заехал дубинкой по шелковистому затылку белокурого. Что называется, вложил душу. Болтовня Фариа о концентрации показалась мне не такой уж чепухой. Во всяком случае, в тот момент у меня не было мыслей. Вообще. Я сам стал черным упругим куском резины. Безжалостным инструментом. Плотью, изуродованной неотвратимым намерением убить...

Удар пришелся в основание черепа. Добер издал хрюкающий звук и рухнул на колени. Иркина рука освободилась от захвата. Я мельком и вблизи

увидел ее лицо; приглядываться было некогда — Хвост заходил сзади. Меня поразили ее глаза, хотя у меня, наверное, были такие же. Они напоминали два сгоревших предохранителя; грязная непрозрачность — вот все, что я могу о них сказать.

Белокурая бестия с размаху ткнула мордой в больничный пол. Его пальцы пару раз дрогнули в судороге. На поясе под халатом обрисовалась выпуклость в форме пистолетной рукоятки. Даже если за ремнем действительно торчала пушка, у меня не было времени, чтобы добраться до нее.

Хвост перестал валять дурака и решил, что со мной пора заканчивать. Когда я обернулся, в его руке уже появился пистолет, чертовски похожий на моего собственного «беретту». Непонятно, где он держал такую солидную машинку, потому что до этого махал ногами без всяких затруднений. Вдобавок Гоша вышел из транса, и на его роже я прочел огромную невысказанную любовь...

Против пушки не погрешь. Я стоял как истукан, а Ирка медленно поднималась на ноги, цепляясь за меня, будто за корявое дерево. Она была совершенно голая и ужасно соблазнительная, но сейчас мне было не до нее. Мой взгляд засасывало в нарезную воронку ствола, как световой луч в черную дыру...

Хвост промедлил — это оказалось его последней ошибкой. Надо было кончать нас сразу.

Но каждый хочет насладиться редкими мгновениями торжества, абсолютной власти, божественными привилегиями. Мгновения складываются в секунды. Потом приходится дорого платить за то, что воспарил слишком высоко.

12

...Итак, я смотрел туда, откуда должна была вылететь свинцовая птичка. В мое поле зрения попал также сверкающий символ «анх» — он болтался на груди санитаря. «Анх» переливался, отражая нездешний свет, и внезапно я понял, что это не просто амулет. Возможно, для врага кресты являлись тем же, чем были для нас волшебные леденцы Клейна.

Сбоку послышалось нарастающее рычание Гоши, который разгонялся, чтобы как следует наехать на меня. Все произошло почти мгновенно. Метрах в четырех за спиной добера материализовался Фариа. Мы оказались примерно на одной линии, и движение моих зрачков осталось незамеченным. Это спасло мою шкуру, потому что в противном случае Хвост сразу нажал бы на спусковой крючок.

Фариа выбросил вперед обе руки. Он находился слишком далеко, чтобы прикоснуться к санитарю, но я увидел жуткую вещь: голова добера

деформировалась от страшного удара. В тот же момент ее сорвало с плеч. Я едва успел отклониться — аморфный сгусток пронесся мимо меня и расплескался на стене, будто череп сделался мягким и вязким. Мне повезло, что я убрался с траектории этого окровавленного метеорита...

Обезглавленное тело только начало падать, когда в меня врезался Гоша. Он обладал слишком большой инерцией, чтобы вовремя остановиться. Не знаю, удивило ли его появление Фариа, но то, что произошло с Хвостом, было очевиднее, чем пять пальцев на руке.

Толстый доберман снес меня, как ураган избушку. Я очутился между его животом и стеной, мои ноги болтались в воздухе, а две пивные кружки забарабанили по башке. Я почти потерял сознание, когда Гоша вдруг ойкнул и пустил слюну. Оказалось, это Ирка заехала ему дубинкой под колено. Добер начал оседать, и я получил возможность обвести мутным взглядом поле боя.

Насколько я мог судить, Фариа снова испарился, оставив нас в компании двух мертвецов и одного нежелательного свидетеля. Ситуация была та еще. Если раньше о моей скромной персоне мало кто подозревал, то теперь на меня имелось полное досье, включая недавние рентгеновские снимки моих потрохов. Однако каяться было поздно. Я тупо смотрел, как Ирка в состоянии, близком к

истерике, молотит дубинкой по Гошиной морде, с которой постепенно исчезали приметы разумного существа.

Я предоставил своей подруге разряжаться, а сам занялся поисками ключей. Никто из санитаров не успел объявить тревогу, и времени у нас пока было вдоволь. Если, конечно, не зайдет какой-нибудь заскучавший добер из другого отделения.

Прежде всего, я вооружился «береттой», показавшимся мне тяжелым, как пудовая гиря. Хотелось думать, что это ТОТ САМЫЙ пистолет, — запомнить серийный номер я так и не удосужился. После бойни и наезда пивной бочки я чувствовал дикую слабость и головную боль. «Беретту» я с трудом мог поднять выпрямленной рукой. Вероятность того, что я не удержу его при отдаче, была достаточно велика. Зато полная обойма порождала приятное чувство защищенности.

Наконец Ирка решила, что добер получил свое, и выпрямилась, тяжело дыша. Больше всего она напоминала мне сейчас загнанную в угол разъяренную самку леопарда. Очень сексуальную самку, надо сказать. Несмотря на общую слабость здоровья и отсутствие перспективы, у меня стоял, как у молодого. Но ее глаза отпугивали, отвращали, словно глазницы трупа, в которых копошатся

черви. В ней появилась какая-то неумолимая, непредсказуемая и зловещая сила. Ничего подобного я раньше не замечал.

Шрам, пролежавший от виска до скулы, был очень тонким и приобрел багровую окраску. Казалось, он снова кровоточил, как в тот далекий день, когда в зимнем воздухе порхала ослепительная бритва. Моя подруга была помечена смертью, и я осознал, что у меня нет выбора...

Чтобы не встречаться с нею взглядом, я склонился над Гошей и обнаружил у него на поясе связку ключей, среди них один универсальный. В нагрудном кармане халата лежала помятая и безнадежно испорченная магнитная карточка. Потом, преодолевая позывы к рвоте, я начал обыскивать то, что осталось от Хвоста. «Анх» срезало вместе с головой при страшной атаке Фариа, и я нашел побрякушку в складках халата.

Крест был ледяным, хотя до этого покоился в луже теплой крови. Он как раз поместился в моей ладони. Я долго смотрел на него, пока мне не начало казаться, что по полированной поверхности металла скользят зыбкие тени...

Блеск креста завораживал; он излучал нечто, чему я до сих пор не подберу названия. А холод становился нестерпимым; руку охватывало оцепенение.

Слева в поле зрения появился чей-то черный

силуэт и начал медленно приближаться. Я скашивал глаза, и все равно мне не удавалось рассмотреть его.

Ирка отвлекла меня от этого дурацкого занятия. Она обхватила сзади мою голову и прижала к себе так крепко, что чуть не сломала мне шею. Я задыхался, но терпел. На мою окоченевшую руку капали ее горячие слезы. Однако я не мог избавиться от наваждения — казалось, нечеловеческое существо следит за мной из разрытой могилы...

13

Вот я и добрался до «чертовой дюжины», и, конечно, ничего хорошего в этой главе не происходит.

Заниматься мародерством было противно, но не противнее, чем подыхать в психушке. Я стащил с обоих санитаров джинсы и присовокупил к своему кресту еще один. Чем бы ни оказались эти железки на самом деле, вреда от них не будет, решил я (интересно, кто внушил мне подобную глупость — и не были ли виной тому сами амулеты?).

Джинсы болтались на моих костях, как галифе на пугале; на Ирке сидели чуть получше, потому что ей достался «рэнглер» с добавкой искусственного волокна. Кстати, мы с нею до сих

пор не обменялись ни словом, находясь в каком-то речевом ступоре. Под халатами на мертвецах обнаружили не очень чистые маечки: одна с эмблемой «Green Peace», другая с рисунком, залитым кровью, под которым было написано по-английски: «Накорми моего Франкенштейна».

Мы действовали слаженно, одевались быстро и понимали друг друга с одного взгляда. Я, как прирожденный пацифист и любитель природы, натянул майку с гринписовской символикой, а Иркину наготу прикрыл подпорченный портрет персонажа Мэри Шелли в обнимку с Элисом Купером. Ботинки оказались велики, но это было лучше, чем больничные тапочки. В общем, вид у нас был тот еще, а до Хеллоуина оставалось почти полгода. Днем на улице нас задержал бы первый же патруль. Я начал прикидывать, в какую бы щель забиться, хотя не выбрался пока даже за пределы больничного забора. Между прочим, внешняя охрана наверняка превосходила по численности дежурную смену санитаров. Да, наше заведение могло гордиться своими маньяками.

Пора было вытряхиваться из отделения. Я получил все, о чем еще недавно мечтал: оружие, женщину и потенциальную свободу дичи в разгар охотничьего сезона. И тут я был наповал сражен собственной слюнявой сентиментальностью. Четыре года — достаточный срок, чтобы

привыкнуть даже к придуркам. Не знаю, что на меня нашло-наехало, но я направился прямо к двери своей палаты и открыл ее универсальным ключом.

Вы видели картину «Явление Христа народу»? Так вот, возникшая немая сцена не имела с ней ничего общего. Детоубийца Шура, кажется, вначале меня вообще не узнал. «Менструаторщики» все как один уставились на пушку в моей руке, и им явно было не до идентификации моей физиономии. Наверное, подумали, что кто-то все-таки решил их замочить и прислал киллера...

Морозов вдруг заскулил, упал на колени и пополз ко мне. Довольно быстро он добрался до моей правой штанины и попытался облобызать ее. Меня так и передернуло от брезгливости. Я начал отталкивать его коленом, Шура хныкал и пускал слюни, «менструаторщики» завопили, словно недорезанные свиньи, а Ирка материлась у меня за спиной на чем свет стоит. Форменный сумасшедший дом, можете мне поверить!

Я переборол в себе огромное желание успокоить Шуру выстрелом в лоб. До моих задроченных рокеров дошло, что кончать я их не собираюсь; к тому же они увидели рядом со мной девку, а соски у нее бесстыдно торчали под тоненькой маечкой, как две боеголовки по десять кило тонн. Все заткнулись. Морозову удалось

прилипнуть губами к моей ноге. Повисла тишина, еще более дурацкая, чем недавний визг.

— Макс, собака!.. — прошептал наконец Глист с уважением, я бы даже сказал — с благоговением. Придунок, должно быть, решил, что я заглянул сюда, чтобы равлечься и других развлечь.

Шура начал тихо беседовать с моим правым ботинком. Я и сам, конечно, сдвинутый, но с меня было достаточно.

— Пошли отсюда, не будь кретином! — попросила Ирка и, без сомнений, была права.

В ту же секунду гранжеры бросились на меня, как три зомби-дистрофика.

Я выстрелил, и в оконном стекле появилась маленькая дырочка, окруженная паутиной трещин. Грохот не произвел нужного эффекта. Пришлось врезать Самураю, который оказался самым ретивым, пистолетной рукояткой по зубам. После этого мне оставалось только вытянуть руку и подождать, пока Глист уткнется лбом в срез ствола. Потный благоразумно предпочел держаться подальше.

— Ты ошибся, говнюк, — сказал я Глисту. — Стой смирно и слушай! Есть шанс смыться отсюда. Кто хочет, может идти с нами. Решайте быстро!

Впрочем, все и так было ясно. Эти бараны боялись чего-то больше, чем лоботомии. Может

быть, оно и правильно — операция навеки избавила бы их от страха и любых проблем. Морозова я в расчет не принимал, а гранжеры могли пригодиться на первых порах (я надеялся отсидеться некоторое время в чьей-нибудь неприметной хате).

Но ни один из них не шевельнулся. Только Глист колебался — наверное, его «третий глаз» заглянул в самую глубину пистолетного ствола...

Конец отсчета, время истекло. Они упустили свой шанс. Сомневаюсь, что подобные карты выпадают дважды.

— Идите на хер, идиоты! — вот и все, что я сказал им на прощание. В эту минуту я их ненавидел, но понимал, что совсем недавно был таким же трусливым придурком и мне просто повезло. Здесь, с ними, независимо от моего желания, оставался мой призрак, тень моего страха, въевшаяся в эти стены, — тень, которая была больше, чем мне хотелось бы.

* * *

Уже в коридоре я обнаружил, что Глист все-таки увязался за нами. Он выглядел еще более дико, чем мы с Ирккой. Нужно было подыскать парню приличную одежду. Почему-то он показался мне очень жалким, обреченным, лишним, невинной жертвой. Может, потому, что у меня в кулаке были

зажаты только два египетских креста, и один из них принадлежал мне, а другой — Савеловой?

14

Нам повезло, что все случилось именно в воскресенье. В больнице остался минимум персонала, и до наружной двери отделения мы добрались незамеченными. В самом деле, кому нужны двести подонков в чудесный майский полдень, обрушившийся на меня, словно райская благодать?!

Но это обрушение произошло чуть позже, а вначале возникло небольшое препятствие, грозившее перерасти в крупные неприятности. Какая-то старая крыса, мать ее так, сидела на входе и тупо дожидалась смерти. Несмотря на кажущуюся покорность, она была готова вцепиться в любую не понравившуюся ей штанину. Оловянные глазки зловеще и настороженно уставились на нас из-под желтоватых косм.

Память у меня короткая, а после вольт-амперной терапии еще и прерывистая, как лошадиный помет, но эту ведьму я вспомнил сразу же. Вспомнил даже, где и когда я ее видел: в моей бывшей конторе, в которую мы забрались вместе с Клейном, спустя пять минут после того, как мой шеф вышел на улицу через окно на третьем этаже и

стал совсем-совсем мертвым...

Каков бы ни был диагноз, я еще не настолько озверел, чтобы замочить старушку просто так, словно какой-нибудь бедный петербургский студент. Хотя, наверное, следовало бы, потому что она явно принадлежала к компании, устроившей бесконечное сафари.

Ну мой-то конец можно было видеть невооруженным глазом, а старушенция еще и пыталась его приблизить. Она засучила своими сухими лапками, нажимая на какие-то кнопки на маленьком настольном пультике. Где-то вдалеке завывала сирена (должно быть, по наши с Ирккой души), а прямо над входом начал подмигивать красный фонарь.

Через пару секунд я уже проковылял через вестибюль на своих хилых ножках и оказался возле карги, державшейся отважно, будто пламенный большевик перед расстрелом. Ее мутные глазки перебегали с моего лица на «беретту» — очевидно, бабка вычисляла, откуда у меня появился этот железный придаток.

Когда я начал колотить придатком по пульту, ей все же пришлось отползти подальше. Я сломал несколько кнопок и переключателей; фонарь погас, а вместе с ним и освещение в вестибюле и коридорах. К чертям освещение! — мне оно больше не понадобится. Сквозь оконные стекла бил яркий

дневной свет.

Хорошо, что я захватил с собой универсальный ключ, — наружная металлическая дверь была заперта. Сволочи не совсем расслабились, хотя я сомневался, что кто-нибудь сбегал отсюда за последние пять лет.

Пока я ковырял ключом в замке, Глист шумно дышал мне в затылок и топтался на месте от нетерпения. Ирка вела себя поспокойнее — наверное, просто выбилась из сил. А ведь все только начиналось. Чтобы освободить вторую руку, мне пришлось положить оба креста в передний карман моих джинсов. Через пару секунд я почувствовал нарастающий холод в паху. Блин, меня вовсе не устраивало оказаться на воле с отмороженным хозяйством! За что боролись? Что за фигня?

Но некогда было разбираться, честное слово, некогда. В коридорах уже мелькали белые халаты доберов, и наверняка проснулась периферийная охрана — вой сирены не услышал бы разве что глухой. Проклятый замок наконец поддался, и мы выскочили на майский лужок.

Я мгновенно опьянел от густого воздуха, а от запаха цветущих деревьев меня чуть не вывернуло наизнанку. С непривычки. В глазах запеклось солнце, от которого я тоже отвык. Мне показалось, что каждый звук этого мира струйкой вливается в

ухо и звонкие капли орошают мозг...

А звуки были совсем не музыкальные. Пение пернатых заглушила сирена, которая вскоре заревела оглушительно. Оглянувшись на мгновение, я увидел старую ведьму за оконным стеклом — она взмахивала клешнями, как рак в террариуме. Там же виднелись упитанные, но слегка растерянные морды доберов. Их явно потрясла наша черная неблагодарность.

Нас окружали каменные заборы, проволочные сетки, решетки и несколько двух- и трехэтажных зданий из багрового кирпича. Я-то ни хрена не ориентировался, чувствуя себя словно чукча на Красной площади, — слишком давно я сюда попал, чтобы помнить дорогу. Хорошо, хоть Ирку привели в нашу конуру совсем недавно.

Поэтому я побежал за ней, пренебрегая интернациональной мудростью, которая, как известно, гласит: «послушай женщину — и сделай наоборот». Глист что-то там булькал, показывая в другую сторону, но я больше доверял своей крошке, проверенной на деле. Из распахнутой двери отделения уже выскакивали белые туши в голубых штанах, и мы рванули, будто затраханые олимпийцы на сорок втором километре марафона.

Очень скоро Глист, зараза, обогнал нас с Ирккой — он был и легче, и моложе, и обут в матерчатые белые тапочки. Вьюноша явно

торопился на тот свет, а я не возражал — значит, карма у него такая.

Пушка болталась в моей руке, как маятник, прикрепленный к дистрофичному манекену. Переставлять ботинки было, пожалуй, не легче, чем на болоте, хотя вокруг расстилалась свежая ярко-зеленая травка — мечта парнокопытных. Сзади нечленораздельно и ободряюще погавкивали доберманы. Наше счастье, что бег не входил в число их любимых занятий. Однако я не обольщался. Впереди был глухой четырехметровый забор с орнаментом из проволоочки, а кроме того, легавые с пушками и дубинками наготове.

Мы затопали по асфальтовой дороге, которая вывела нас на задний двор больницы, к какому-то мрачноватому одноэтажному дому. Здесь моему взгляду открылись новые горизонты: больничный парк, кучи строительного мусора вдоль забора и верхушки городских многоэтажек. Ни ворот, ни проломов, ни моего верного «призрака». А чего, собственно, я ожидал?

И вдруг я поймал себя на том, что на появление «призрака» я все-таки подсознательно надеялся. Эта чертова машинка всегда оказывалась в нужном месте в самый критический момент. Но Клейн был мертв, и мальчик-проводник был мертв, а вместе с ними исчезли остальные союзники. Да и что бы я делал сейчас со своей тачкой — таранил

бы ею стену?

Глист затравленно оглянулся. Как ни странно, у меня тоже не было гениального плана действий. Вообще никакого плана. Издали к нам мчался «джип» с мигалкой на крыше, размалеванный в красно-черную полосу. Пора было сушить весла. Но Ирка продолжала двигаться вдоль фасада приземистого дома с чисто женским бессмысленным упрямством, а мы с Глистом — за нею, словно двое сексуально озабоченных самцов. Задыхаясь, мы приковывали к противоположному торцу здания. И тут меня осенило.

Это заведение было больничным моргом.

15

По слепым стенам карабкались чахлые побеги дикого винограда — я воспринял это как жалкие потуги жизни приукрасить мертвое и безликое. К широкой двустворчатой двери вел бетонированный спуск. Здесь же стоял грузовик с изотермической будкой — натуральный холодильник на фордовском шасси. Сбоку на будке было написано огромными броскими буквами: «МАКАНДА. Агропромышленный концерн. Фрукты, мясопродукты, удобрения».

«Маканда» — это слово я уже где-то слышал. Я вспоминал, напрягаясь мучительно, но

безрезультатно. Вспомнить, что означает «Маканда», вдруг показалось мне чрезвычайно важным.

Кабина автомобиля была пуста, однако двигатель работал. Близость доступных колес меня подстегнула и вдохновила на подвиги. Появился хоть какой-то шанс. Пожалуй, «форд» мог бы снести ворота (особенно если бы я умел им управлять).

Держа пушку на уровне груди, я подкрался к рефрижератору. Будка была открыта сзади, и из нее валил белый пар. Я заглянул внутрь и увидел несколько цинковых «костюмов», составленных возле покрытой инеем металлической стенки. Некоторые были с окошечками, а некоторые без. Это меня удивило. Не окошечки, конечно, а сам цинк. Здесь пахивало конвейером, армией, неопознанными мертвецами, но при чем тут тогда наша тихая психушка?

Надо было сразу прыгать в кабину и рвать когти, однако какое-то отвратительное, тошнотворное предчувствие буквально лишило меня способности соображать. Я терял драгоценные секунды. Чья-то рука дернула меня за пояс, а еще одна вцепилась в майку, но я упирался, проявляя здоровое любопытство самоубийцы. Таким образом, я оказался возле самых ворот морга.

Из глубокого провала дохнуло холодом —

довольно зловещим в этот теплый весенний день. К тому же мертвые, как известно, отнюдь не благоухают. После яркого солнечного света мои глаза не сразу привыкли к темноте.

В огромном помещении имела место какая-то неторопливая и нешумная возня. Насколько я понял, здесь паковали жмуриков. Вскоре я разглядел троих, занятых этим общественно-полезным делом. Вернее, работали двое — перекладывали подмороженные трупы с каталок в гробы, — а третий прогуливался, по-видимому, наслаждаясь здешним интерьером и покоем. Место действительно было уютное, да и народец собрался неразговорчивый. В отличие от своих клиентов, живые были одеты чуть ли не в вечерние костюмы с галстуками.

Поскольку я сам псих, противоестественность происходящего вовсе не сразила меня наповал. Пока мои зрачки расширялись, впуская скудный свет, я даже придумал пару стройных объяснений всему этому. Например: ребята из похоронного бюро оказывают услуги скорбящим родственникам. Или: на территории психушки разбился вертолет, в котором находилась делегация высокопоставленных правительственных чиновников, желавших ознакомиться с бытом и условиями содержания бедных кретинов. Или...

И тут изображение, четкое, как портрет на

долларе, наконец сложилось на моей сетчатке — и даже в двух экземплярах для полной гарантии правдоподобия. В мой дырявый чердак хлынул черный жидкий лед вместо крови. Желудок сжался до размеров грецкого ореха, а сердце обрушилось в образовавшуюся пустоту. Глист что-то прошипел сзади, но я не расслышал — от потрясения уши заложило.

Боссом похоронной команды был Виктор — я рассмотрел его до слащавости гладкую красивую физиономию с идеальным подбородком и зачесанными назад влажными волосами. Если он изменился за годы, минувшие со дня нашей последней встречи под Лиаретом, то только к лучшему, и выглядел теперь еще более ухоженным, еще более благополучным.

Он излучал самодовольство, как пухлое кожаное кресло из немецкого гарнитура. Загорелую шею подпирал воротник безукоризненно белой рубашки. На фоне строгого темного галстука поблескивала заколка в форме символа «анх» — ее блеск царапал глаза в этом царстве заиндевевшего металла. Лицо у Виктора было абсолютно спокойным, словно у дремлющего младенца или у счастливого, отдавшего концы во сне. Даже сигарета во рту не нарушала этого благостного впечатления.

Мне было далеко до такой невозмутимости.

Проклятие всей моей жизни торчало передо мной и, по-видимому, только начинало подозревать о том, с кем довелось столкнуться. Узнать меня сразу, безусловно, было трудновато — фигура у меня сделалась, как у Наоми Кемпбелл после нулевой диеты. До определенного момента я оставался для Виктора просто темным шатающимся силуэтом на голубом фоне — случайным свидетелем, даже не помехой.

Еще не поздно было отменить наше свидание и попытаться угнать грузовик. Впрочем, нет — поздно. Виктор заметил несимметрию — пушку в моей правой руке...

Когда-то он проиграл одну дуэль. На сей раз я снова имел преимущество, но я стал слабее, а этот сукин сын — быстрее. По правде говоря, он был быстр, как эти чертовы ганфайтеры из лажовых вестернов. А два его холуя немногим ему уступали.

«Фариа, старый козел, помоги мне!..» Кажется, я прошептал это вслух, однако никто не отозвался.

Мне надо было только выпрямить руку, державшую «беретту», и нажать на спуск, но еще раньше Виктор выхватил свою пушку — блестящую и огромную до неприличия, как слоновий пенис. Двое других выронили очередного жмурика, и тот грохнулся на пол с метровой высоты.

Жалкое зрелище — труп молодой и совершенно голой женщины с выбритыми волосами на голове и лобке. Почему-то я подумал, что на ее месте должна быть Ирка. Мертвое воплощение нелепости моих желаний. Мысль была абсолютно иррациональной, но именно поэтому я ощутил страх...

Череп несчастной с характерным звуком ударился о бетон... и тут мы начали тарыхтеть своими машинками.

За мгновение до этого произошла еще одна стремительная и бесшумная схватка, промелькнувшая словно несколько неуловимых кадров рекламы на телевизионном экране. Тогда ее зафиксировало только мое подсознание; лишь намного позже я понял, что случилось. Но, возможно, мое воображение и по сей день обманывает меня.

Святящаяся фигура Фариа возникла в глубине морга. Вокруг нее заискрился металл и кристаллы льда. Из середины силуэта (если бы он был человеком, я сказал бы: «из живота») вылетело что-то вроде шаровой молнии. Вероятно, ослепительный сгусток двигался так же быстро, как звуковая волна, но был нейтрализован в нескольких метрах от Виктора.

Тот даже не обернулся. «Анх», висевший у него на галстуке, провалился сквозь его тело,

проделав в нем расширяющуюся дыру. По другую сторону своего владельца крест вырос до огромных размеров. Он превратился в тень андрогина с расставленными руками и кольцеобразной головой. Черные «руки» обняли атакующую молнию, которую исторг Фариа, и мгновенно похоронили ее в темной преисподней.

Старик отступил; для меня это, скорее всего, означало конец. Но не было времени, чтобы прочувствовать это. Тень снова закрасила пустоту в стоявшей передо мной человекоподобной фигуре; «анх» выкристаллизовался из мрака и опять засверкал своим гнусным безжизненным светом. Мистическое представление закончилось, и дальше мы продолжали разбираться по-нашему, по-простому, по-людски.

В гулком помещении от грохота одного моего «беретты» закладывало уши, и вдобавок оглушительно рявкнул «дезерт игл» в руке Виктора. Затем ему помогли две пушки поменьше. Я выстрелил и промахнулся, а повторно нажать на спуск не сумел. При отдаче «беретту» подбросило так, что, пока я пытался поймать на мушку темный костюм, в меня попали трижды...

Это я теперь так говорю, а тогда я почувствовал только один — первый удар. Зато такой, который сразу же отправил меня к праотцам. И не было всей этой книжной хрени — последней

мысли, видений, воспоминаний, желаний и сожалений. Только вспышка боли, слишком кратковременная, чтобы успеть закричать.

А потом все исчезло.

Как будто в сортире выключили свет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХОРОШИЙ МАКС — МЕРТВЫЙ МАКС

16

Совсем забыл сказать, что второй и последней книгой моей убогой коллекции был сборник из двух романов Флеминга, изданный в девяносто втором, то есть за год до того, как я оказался на привязи. Словесную жвачку я пережевывал неделями, чтобы заполнить пустоту. Природа ее не терпит — и моя пустота мгновенно наполнялась не светом, а зловонной тьмой. За четыре года многие куски я выучил почти наизусть, а книга рассыпалась на части. Из «Голдфингера» я и содрал следующий эпиграф:

Нет, ему определенно пришло время умереть. И все же, когда почти сутки назад Бонд убил его, жизнь ушла из мексиканца так быстро и окончательно, что Бонд почти видел, как душа покинула тело подобно

птичке, в виде которой, по поверью гаитянских аборигенов, душа вылетает через рот умершего. Какая удивительная разница между живым и мертвым. Только что был кто-то, и вдруг нет никого⁹.

В отличие от Бонда, наблюдавшего смерть со стороны, я не имел времени порассуждать об этом. Уроки Фариа не прошли даром. Во всяком случае, шок был менее глубоким, чем я предполагал раньше. Кое в чем старик оказался прав. Мертвое возвращалось к жизни.

Смерть действительно была где-то рядом и частично во мне — я приблизительно могу описать ее как темное, неразличимое пятно на периферии поля зрения, тень зловещей птицы, сидящей на плече, от которой невозможно избавиться, сколько ни крути головой. Но бесплотному «эго» она представлялась скорее бездонной воронкой в пространстве, засасывающей в себя сознание, коловращением тьмы и пустоты, вечным изменением незримого...

Смерть не была чем-то, что наступает ПОСЛЕ преобразования; она ВСЕГДА находилась рядом — неотъемлемая спутница жизни, ее необходимое условие, скрытая пружина, запретная зона

⁹ Ян Флеминг. «Голдфингер». Перевод О.Г.Косовой.

человеческого мозга: будто тайная комната в замке, проникнув в которую, уже никто не сможет остаться таким, как прежде. Эта близость пугала, завораживала и позволяла ощутить зыбкость мира, казавшегося непоколебимым.

Итак, я все еще существовал и очутился возле горловины смерти, в которую сыпался песок времени и вливался мыслящий туман. Страшный опыт. Мне оставалось лишь проживать каждое мгновение как последнее...

Вначале я услышал голоса. Не торжественно скорбящие по поводу моей кончины и не ликующие по поводу моего окончательного освобождения и прибытия на тот свет, а хорошо мне знакомые. Голоса бубнили о чем-то, покрикивали и постанывали от боли.

Я еще не успел разобраться в этой какофонии, когда у меня прорезалось зрение. Причем панорамное, словно кто-то приделал мне фасеточные глаза. Но вот глаз-то у меня как раз и не было — впрочем, как и всего остального, включая признаки пола.

Нирвана или кошмар?

Я был размазан в пространстве и безграничен, как человеческая глупость. Описать это состояние трудно. Сквозь меня плыло солнце, а где-то по другую сторону земного шарика тихо катилась по своей орбите черная мертвая луна...

Получается не очень внятно. Попытаюсь поэтому изложить наглядно: на моем северо-востоке лежал мой труп. Это зрелище вызывало бы умиление, если бы не огнестрельные дыры в груди, предплечье, бедре, перекошенный рот и стекленеющие глаза. Честное слово, я сам себе был противен! «Беретта» остался в моей руке. Судя по кровавым выплескам на стене, по крайней мере одна пуля прошла навывлет. Это меня несколько не утешило — сразу стало ясно, что парень, которого звали Макс, уже не жилец.

К югу от моего трупа двое в вечерних костюмах увечили Глиста. Для этого им не понадобилось много времени. Его отключили двумя мощными ударами в живот и в голову, после чего он вытянулся рядом со мной.

Иркой Виктор занимался лично. Волосы у нее были очень короткие, но этот ублюдок умудрился вцепиться в них одной своей клешней, а другой наотмашь бил ее по лицу, не жалея своего маникюра. «Дезерт игл» он успел уже куда-то засунуть.

Голова у Ирки болталась, как у сломанной куклы. Очень скоро ее зрачки закатились, но Виктор продолжал упражняться. Я не чувствовал жалости — тогда я вообще ничего не чувствовал. Я был чистым сознанием — в том смысле, в каком бывает чистым новый блестящий унитаз.

По-видимому, пристрелив меня, «похоронная бригада» очень быстро выловила Ирку и Глиста. Девушка и псих либо не успели, либо не смогли убежать. Скорее всего, у них просто не осталось на это сил, как и у того дохляка, что лежал подо мной.

Виктор никуда не торопился; он вообще вел себя по-хозяйски. Поднявшийся переполох его, похоже, нисколько не беспокоил. Когда к открытой двери морга подъехал «джип» с охранниками и подбежали самые выносливые из доберманов, он даже не сразу оставил в покое мою бесчувственную подружку. К моему легчайшему удивлению, никто из прибывших не прерывал экзекуцию. Эти ослы столпились у входа и замерли будто истуканы или почетный караул.

Разбив до крови пухлые Иркины губки, Виктор отшвырнул ее в сторону, словно пустой мешок. Причем, сделал это с явным сожалением. Потом позвал к себе толстого красномордого придурка с майорскими погонами (не иначе как начальника охраны) и поочередно ткнул пальцем с наманикюренным ногтем в наши тела:

— Этих я тоже забираю с собой. Запишешь на мой счет.

Теперь я понимал еще меньше, чем до того,

как меня прикончили. Только что мне со всей определенностью продемонстрировали, кто здесь босс. И следовательно, меня и Савелову держали в больнице, будто канареек в клетке. Возможно, Виктор даже потраховал ее изредка, чтобы не отвыкла от господского размера. В этом было мало смысла, ну а в чем его много?

Тем временем охранники по приказу своего майора вытолкали санитаров наружу и снова выстроились перед моргом полукругом — форменные деревянные солдатики с имбецильным уклоном. Таким образом, никто не мешал Виктору и его помощникам закончить погрузку. Пока те перекладывали в цинковые ящики еще шестерых местных обитателей, босс чирикал по сотовому телефону. Чирикал односложно: «да», «нет»...

Во мне зародилось подозрение, что теперь я, ставший бесформенным невещественным облаком, могу метнуться куда угодно, причем ни время, ни расстояние не будут иметь никакого значения. Я мог бы улавливать радиоволны, проходить сквозь стены или вообще пронзить планету и выскочить на поверхность где-нибудь в антарктической Земле Королевы Мод... но я боялся. Смертельно боялся отдаляться от своего тела. Слишком уж я привык повсюду таскать этот мешок с костями. В отличие от некоторых моих знакомых, мне попался довольно комфортабельный.

Фариа когда-то преподавал мне урок истинного существования, протекающего в невыразимом одиночестве и неопишемом страхе. Сейчас что-то еще удерживало меня на краю жутчайшей бездны, у начала безвозвратного пути, на рифе, о который разбивались кошмары...

Я «видел», как Глиста бросили в цинковый ящик. Поскольку он был худым, точно кишечный паразит, в честь которого его прозвали, к нему положили и девчонку. С моей точки зрения, это было уже варварство. Душераздирающее зрелище: он и она лежали без сознания — молодые, бледные, окровавленные и даже будто бы невинные. Чем-то они напоминали мне Ромео и Джульетту двадцатого века, разомкнувших объятия в металлической могиле. Да, мне бы романы писать.

Перед тем как на мой труп примерили цинковый костюмчик, Виктор остановился рядом и некоторое время рассматривал мое мертвое лицо. Невероятно, но, кажется, оно пробудило в нем сентиментальные чувства. Еще бы — он так долго охотился за мной, и куда нас только не заносило!

Он смотрел почти нежно, и я даже заподозрил в нем некрофила. Не думал, что когда-нибудь стану жертвой этой негигиеничной страсти.

Потом произошло нечто в высшей степени странное и слегка пугающее. Потенциально пугающее — потому что тогда меня еще трудно

было испугать. Виктор наклонился и принялся тщательно обнюхивать мой труп. Во всяком случае, именно так это выглядело.

До сих пор не пойму, что он искал, — может быть, запах скрытой жизни? Личинки насекомых? Первые признаки распада? Отлетающую птичку души?..

Он обнюхал меня от волос на голове до ботинок; при этом лицо у него было застывшее и абсолютно сосредоточенное, только нос подрагивал, словно выступающая часть крысиной мордочки.

По-видимому, Виктор остался доволен результатами своего исследования. Он достал из кармана хрустящий платочек и вытер им пальчики. После этого он махнул рукой, и тяжелая крышка захлопнулась. Самое смешное, что пушка осталась в моих коченеющих пальцах, как будто я сросся с нею после смерти. Гробокопателям было лень освобождать меня от одежды и придатков. Они грузили худшую разновидность мусора — отбросы эволюции.

Я мог бы без труда проникнуть сквозь крышку или частично просочиться «внутрь» ящика, но предпочел пока остаться снаружи. И наблюдал.

У этих страшненьких ребят из «Маканды» все шло как по расписанию. Они завершили погрузку ровно в час дня — Виктор специально сверился с

циферблатом своего «ролекса». В рефрижераторе четыремя ровными рядами и в три этажа выстроились двенадцать цинковых гробов. Ирке и Глисту не повезло — они оказались в самом низу, и было весьма вероятно, что они задохнутся или замерзнут. Меня грузили последним, и мой «цинк» находился на верхнем этаже, в крайнем ряду. Между его крышкой и потолком будки оставался зазор шириной около метра.

Я регистрировал мельчайшие детали, хотя подобная информация была для меня абсолютно бесполезной. Я не мог бы сдвинуть с места даже пылинку...

Дверь будки захлопнулась; температура начала понижаться. Трое из «Маканды» сели в кабину, охрана расступилась, пропуская грузовик, и рефрижератор с мертвецами (среди которых наверняка были и «фрукты», и «мясопродукты», и «удобрения») покатил по территории психушки. «Джип» сопровождал его словно почетного гостя.

Я много раз мечтал о том, что когда-нибудь сбегу из больницы, но то, КАКИМ ОБРАЗОМ я делал это, не могло присниться даже в самом дурацком сне.

что у меня вряд ли были шансы прорваться любым другим способом. Да и сами ворота выглядели достаточно солидно и вполне могли выдержать удар легкового автомобиля.

Я затаился, словно бесплотный паук в центре незримой паутины. Эдакий потусторонний соглядатай. У меня не было того, что на человеческом языке называется органами чувств; несмотря на это, я мог знать обо всем, что творилось вокруг. Каждая частица Вселенной была сознательной; каждая могла стать частью моего сознания; но то было бы страшное растворение, и за каждое наилегчайшее взаимодействие с миром призраков приходилось дорого платить.

Все окружающее и я сам были потенциальным добром (продолжением существования) и одновременно потенциальным злом (пределом существования). Я не знал мотивов, в соответствии с которыми становилось реальным то или другое. Странная партия — мы играли вслепую, не имея возможности перевернуть карты...

Ладно, к черту интерпретации, обратимся к голой действительности. А действительность была неутешительна. Меня превратили в привидение, то есть в полное дерьмо; Ирка же очень скоро могла превратиться в сосульку. Глист меня интересовал в третью очередь, но все-таки я был не прочь при случае выручить и его. Что ни говори — брат по

несчастью.

Однако пользы от моего нового состояния было как от выхлопного газа. Интерактивного шоу для призраков еще не изобрели. Фариа, по всей видимости, был крут, Виктор — крут немерено, а я не мог исторгнуть из себя даже слабой струйки какой-нибудь материальной дряни.

Тем временем проскрипели ворота, рефрижератор протарахтел вдоль больничного забора и выбрался на оживленную улицу. Скорее всего, у Виктора имелась совершенно убойная ксива, потому что он плевал и на ментов, и на гаишников, разъезжая по городу с десятью трупами и двумя полутрупами в будке. В моем убогом воображении, долгое время лишенном новых впечатлений и замусоренном Флемингом, «Маканда» уже тянула на какую-нибудь вонючую спецслужбу с прикрытием в виде сельскохозяйственной конторы. Но где же, черт возьми, я слышал это корявое слово — «Маканда»?! Первоисточником могло быть что угодно — от бразильского телесериала до негритянского мифа.

За последние четыре года мой чердак столько раз превращали в гальваническую ванну, что в нем наверняка произошли необратимые изменения — вплоть до появления металлического налета на внутренних стенках черепа. Раньше я мог бы

сослаться на это. Теперь же у меня и чердака-то не было, но мои виртуальные мозги барахлили по-прежнему, словно глюкавый процессор.

«Форд» катил по улице, названной именем одного славного академика. В памяти народной он остался как враг номер один всего собачьего племени, но у меня он вызывал приятные воспоминания о группе «Pavlov`s dog», которой мы еще в школьном возрасте терзали нетренированные уши наших предков. Музыка гремела по двенадцать часов в сутки. Днем — рок-н-ролл, вечером — диско, ночью — снова рок-н-ролл, поцелуи и романтический петтинг. Тогда все казалось важным: длина волос, ширина клеши, мальтийское или американское происхождение джинсов. Что скажете сейчас, мои повесившиеся друзья, мои спившиеся подруги?

Да, славные были денечки — время запретных плодов, которые мы спешили сорвать с жадностью отлученных от рая. Потом запретный сад обнесли, и жить стало намного скучнее...

По-моему, я окончательно трансформировался в «сущего» (сучьего) ангела и редкостную скотину. Кажется, теперь я понял, почему настоящим ангелам чихать на нас и на наши молитвы. Примерно так же, как нам — на благополучие микробов. Мы думаем только о собственной шкуре. Я вот, например, совсем забыл о моей замерзающей

девчонке. Похоже, я смирился с тем, что рано или поздно она присоединится ко мне. Так и будем порхать с нею в астрале, словно тучки небесные, вечные странники...

И тут я «почувствовал»: что-то происходит в одном из цинковых ящиков. В том, который стоял сверху и с краю. В нем покоился один очень хорошо знакомый мне организм. Я метнулся туда значительной своей частью и понял, что присутствую при жутковатом перерождении.

В трупe возобновился некий обмен веществ, но это не имело ни малейшего отношения к биологии. Скорее, мертвец напоминал сейчас разоренный муравейник, занятый срочным восстановлением самого себя, только вместо муравьев работали незримые агенты двух египетских крестов, лежавших в кармане моих джинсов.

Никто не обыскал скончавшегося психа — и слава Богу! Впрочем, со славословием я немного поторопился, потому что испугался. Испугался, даже находясь вне пределов физического. Я, трусливое создание, боялся того, чем могло стать существо с трансформирующейся плотью, которое находилось где-то рядом. Как будто у меня был выбор!

Вообразите, что испытал бы Грегор Замза¹⁰, если бы он присутствовал при самом ПРЕВРАЩЕНИИ? Так вот, мне было в сотню раз хуже. Я прикоснулся к вещам абсолютно чуждого происхождения. Я почувствовал их влияние, притяжение, власть темной половины — более сильную, чем липкие узы кошмаров, снящихся человеку. Потому что этот кошмар снился уже не человеку. Он снился «анхам», андрогинам, вневременным тварям изнанки. Они предлагали жизнь взаимы, но в этой сделке было что-то бесконечно страшное, непоправимое, порочное, извращенное...

Короче: я «увидел» потоки лимфы и размороженные ручьи крови. Каждый из крестов, лежавших в кармане джинсов, уже не был просто куском вещества с четко очерченными границами. Вдвоем они делали в два раза быстрее то, с чем справился бы и один «анх». Кажется, я обнаружил причину необъяснимого «долголетия» и неуязвимости Виктора и прочих охотников герцога (здесь мне поневоле приходится прибегать к терминологии моего гребаного биографа — он пытался писать о том, что не может быть

¹⁰ Грегор Замза — персонаж новеллы Франца Кафки «Превращение».

зафиксировано в сознании и является лишь неистощимым источником ассоциаций).

Тени «анхов» разрастались; их энергия пронизывала джинсовую ткань и проникала в труп, соединяя фрагменты раздробленных костей; дьявольская алхимия растворяла свинцовые пули; тяжелый металл выводился наружу в виде мельчайших капель, которые скатывались по телу, как ядовитый дождь, поливающий разрушенную Хиросиму. Из загрязненного окружающего воздуха «анхи» извлекали чуть ли не все элементы таблицы Менделеева. Более того, до меня вдруг дошло, что кресты обладают способностью считывать генетический код. Они не только считывали, мать их так, но и изменяли его! Тогда я еще не представлял, к чему это приведет.

Поврежденная органика поразительным образом восстановилась за какие-нибудь десять-пятнадцать минут. Спустя некоторое время на теле практически не осталось следов трех огнестрельных ранений. И все сильнее этот муляж, подготовленный к новой жизни, притягивал меня. Сопrotивляться было невозможно — законы гравитации распространяются и на падших ангелов.

Власть темной половины. Я не понимал до конца что это, но чувствовал неодолимый зов. Словно запах желанной самки. Словно шепот колдуна в гаитянских джунглях. Словно крик

птицы за облаками... Кто-то (не важно кто) уже произнес «хекаи¹¹» — слово власти.

18

Перед тем как вторично утратить неоцененную мной и ненужную мне свободу, я все же успел заметить, что рефрижератор оказался на южной окраине города, которая представляла собой уродливую мешанину мелких заводиков, старых поселков, заброшенных новостроек и несуразно больших частных домов, похожих на инопланетные гробницы. Их явно строили хорошо замаскировавшиеся пришельцы с дефектами восприятия. Ничем иным нельзя было объяснить эту запредельную архитектуру.

Привычная картина. Часть города, где я родился. Часть, похожая на целое. Ничем не хуже и ничем не лучше других. Место, носящее печать упадка, обреченности и вечного жлобства. Тут рано выросли и рано умирали — не обязательно физически. Теневикам и бандитам здесь было уютно, как шампиньонам в сыром склепе. В любом из дырявых зданий могло находиться что угодно: от цеха, производящего подпольную водку, до

¹¹ Из египетской мистики.

«танцплощадки» местных гопников.

Проклятый город контрастов. Нищие старухи, ковылявшие через улицу в поисках пустых бутылок, мирно делили ее с «мерседесами». Уже давно никто ничему не удивлялся. И даже сами контрасты стали пошлыми. Спутниковые антенны и непролазная грязь; малолетние давалки в рваных колготках и надменные шлюхи, по-рыбьи бессмысленно глядящие из-за тонированных стекол; еврейский мальчик в очках и со скрипкой в футляре, трусливо и покорно сносящий пинки под зад от своих одноклассников, — мальчик, который лет через двадцать будет вдохновенно елозить смычком по струнам на телеэкранах всего мира, воспаряя к «высотам духа». Но где сейчас эти высоты?..

Небо отражается в лужах мочи и осколках битых стекол. Голодные бездомные собаки слизывают пятна человеческой слюны и мокроты. Псы дальновидны и привыкают к запаху и вкусу... Из окна проезжающей машины торчат женские ноги. Из баров доносится песня: «...эти ласки, эти неземные ласки». Под такую же музыку школьницы радостно расстаются с девственностью. Никто больше не верит в сказки о сокровищах. Нет никаких сокровищ. Есть только мусор. Зачем работать? Зачем бежать по эскалатору? Когда выбьешься из сил, тебя все равно снесет течением.

Сносит каждого — рано или поздно. Образование ценится так же низко, как трезвость и эта самая пресловутая девственность. Ни первое, ни второе, ни третье нисколько не помогают выжить. Рыночная цена всегда справедлива — будь то цена капусты или человека.

Еще немного — и захочется вернуться в психушку. Мне казалось, что я отвык от этого города, но все осталось по-прежнему. Ничего не изменилось. Только черное сделалось еще чернее, а серое — еще серее.

Город тотальной никчемности. Он выглядит сумеречным даже при ярком солнечном свете. Здесь любят только от страха перед одиночеством, но всякие надежды на взаимопонимание абсолютно беспочвенны. Жестокий город, прекрасный город, вынимающий душу. Так пусть она летит к черту и замерзает под звездами на ледяном ветру!..

* * *

Я окончательно расслоился. Теперь «нас» трое. Первый, который «я», лежит в цинковом гробу. На мой взгляд, он слишком молод для смерти. В нем уже все живо. Все, кроме мозга.

Второй как-то связан с Первым, но пока не проник ВНУТРЬ. Что-то мешает ему. Он — глаза и уши мертвеца; он движется вместе с гробом и

рефрижератором к еще неизвестной цели. Возможно, полное слияние Первого и Второго означает преодоление последнего препятствия на обратном пути с того света.

Однако есть и Третий. Он настолько обнаглел, что смотрит со стороны на все это дерьмо и пускает лирические пузыри.

Я приказываю Третьему заткнуться и сосредоточиваюсь на том, чтобы удержать Второго вне тела. Уроки Фариа помогают плохо; медленно, но верно я возвращаюсь в реанимированную плоть, которая внушает мне такой ужас.

У погруженного в анабиоз муляжа бьется сердце — не чаще одного раза в минуту. Адская машинка новой судьбы уже запущена, и мне никогда не узнать, сколько часов, минут, секунд остается до взрыва. Возможно, взрыв растянут во времени, и застреленный человек Макс вскоре станет куклой, танцующей на трупах...

Но пока я «вижу» самое главное: «форд» подъезжает к семейству разнокалиберных зданий, огороженных мощным кирпичным забором. То же сочетание старой формы и нового содержания. Загадочная контора Виктора напоминает мне старуху, забеременевшую от шальных денег и человеческой жадности.

Охрана малозаметная, но хорошо оснащенная. Внутренний периметр обзревается телекамерами.

На стоянке — несколько импортных тачек и два рефрижератора, очень похожих на тот, в котором меня везут. Работают какие-то вентиляторы и мощные электродвигатели. Имеет место вялый радиообмен. Из труб валит легкий дымок...

Что же, возможно, «Маканда» действительно производит консервы и удобрения, однако я позволил себе усомниться в этом. Мои главные аргументы (целые одиннадцать штук) лежали рядом в цинковых ящиках. Еще три находились в кабине. А мое тело было убедительнейшим аргументом в пользу того, что сомневаться отныне придется во всем. Даже в смерти.

Такого же мнения придерживались и здешние охранники. Из-за солнцезащитных очков с зеркальными стеклами их лица казались безжизненными. Виктора они наверняка знали, тем не менее состоялись короткие переговоры по сотовому, а один лупоглазый даже не поленился заглянуть в рефрижератор. Все были преисполнены чувства собственного достоинства, неторопливы, как жрецы, и, пожалуй, отличались непоколебимой уверенностью в своей силе. Для стадного животного вроде «гомо эректус» источником подобной уверенности обычно является принадлежность к мощной корпорации.

Наконец грузовик пропустили, и я очутился на чужой территории. Чужой до такой степени, что

трудно было себе это представить. Марс и то показался бы более родным. Возможно, давала знать о себе застарелая паранойя. Сердце реанимированного забилося чаще, и мне все труднее было осознавать то, что происходило за пределами закрытого саркофага.

Владения герцога... Они были только внешне похожи на часть обычного земного ландшафта, предварительно уже изуродованного людьми. Мы все, поколение за поколением, готовили вторжение кошмара — с каким-то пронзительным предчувствием физической боли я начинал понимать это. Готовили своим тупым безразличием, поганили гнездо, отравляли колыбель, калечили мать-Землю, создавали отстойники для своей блевотной злобы и свалки неистребимой человеческой грязи...

Мир изменялся исподволь и незаметно для нас самих. Мы получали преступное наследство, преумножали его и передавали дальше. Мы всегда могли сослаться на то, что каждый из нас ни в чем не виноват. Каждый был против, но все вместе мы с тупым цинизмом продолжали карабкаться на горы собственного дерьма. Когда количество перешло в качество, стало слишком поздно. Невидимые колонии раковых клеток, гораздо более страшные, чем очевидное уродство урбанизации, расползлись по планете. И мы уже не замечали того, что сами

больны, что наши дети действительно хуже нас, а дети детей больны неизлечимо и смертельно.

Это было не мизантропическим бредом, а «реальностью, данной в ощущениях». Потом мои ощущения стали куда более грубыми и конкретными. Я принялся изучать укрепрайон вероятного противника.

Концерн «Маканда» владел огромной территорией и приличной недвижимостью. Все здания были связаны между собой крытыми переходами — наземными или надземными. Некоторые постройки напоминали цеха, другие — вместительные конторы и офисы, третьи — без окон и с плоскими крышами — были загадочны, как затонувшие корабли. Нигде ни цветка, не говоря уже о клумбах. Только асфальт и растрескавшаяся земля. Людей я не «видел», впрочем, место для прогулок было, прямо скажем, неподходящее.

Рефрижератор несколько раз сворачивал. На всякий случай я запоминал дорогу и кое-какие ориентиры — вдруг повезет и придется выбираться обратно. За стеклами контор поблескивали жалюзи, маскировавшие интерьеры и двуногих обитателей. А потом «форд» нырнул в подземелье, которое я ошибочно принял за гараж. Черта с два — «гараж» тянулся на пару сотен метров.

Мимо проплывали узнаваемые силуэты: цистерны, контейнеры, автомобили... Становилось

темно, но не только потому, что скрылось солнце. В один не очень приятный момент я обнаружил, что уже не «вижу» ламп на стенах туннеля.

Слепота поразила меня. Мне достался гроб без окошка. Слепота породила абсолютную, космическую тьму. Меня окружал спертый ледяной воздух, похожий на очень рыхлый снег. И я, притянутый недавним трупом, почувствовал нестерпимый ужас, ужас похороненного заживо. Ужас бился в еще непослушном и неподвижном теле, будто раненная рыбка в черном аквариуме...

19

Чуть позже я понял, что замедленное дыхание было моим спасением, потому что кислорода в саркофаге оставалось мало, но как медленно испорченная кровь омывала мозг! Я ждал каждого темного прилива вдоха и отлива выдоха, а на берегу рваной медузой трепыхался страх — страх, что следующего раза может и не быть. Да, эта новая тварь хотела жить не меньше, чем старый дружище Макс.

Сквозь страх пробились первые рациональные мыслишки. Я понял, что скоро меня будут выгружать, поэтому желательно начинать шевелить не только извилинами, но и конечностями. Однако я не мог даже дернуться и чувствовал себя

скованно, как комар, очнувшийся в янтаре спустя миллион лет. Труднее пришлось, наверное, только Буратино — тот был сплошь деревянный. Зато мне противопоказана встреча с моим папой Карло-реаниматором.

Я вообще не ощущал окоченевших плеч, ягодиц и ног. Не было и боли. Я лежал, словно гранитный памятник, пытаюсь сдвинуть с места камни пьедестала, и когда мне вдруг удалось оторвать от цинкового дна руку, она ударилась о крышку. Раздался гудящий звук. Разве это не та самая рука, в которой был зажат пистолет? Но пальцы! У меня все еще не было пальцев!..

Гроб оказался достаточно просторным для меня, и я сумел поднести руку к лицу. Мне показалось, что я слышу треск — вероятно, это рвалась пропитавшаяся кровью ткань майки. «Беретта» коснулся моих губ, но я не ощутил касания — губы были такими же холодными, как металл.

Со стороны могло бы показаться, что я пытаюсь покончить с собой выстрелом в рот. Достаточно было одного неосторожного движения, и случилось бы непоправимое (или все-таки поправимое?!), но в те минуты я не думал об этом. К счастью, холодный скрюченный палец не сыграл со мной такую злую шутку.

Толстый стальной ствол разомкнул мои губы,

поскреб о зубы и пополз выше, чтобы проверить, что там случилось с глазами — открыты ли веки, на месте ли глазные яблоки... Конечно, пистолет не лучший инструмент для медицинского осмотра, однако другая рука слушалась меня не лучше, чем отстегнутый протез.

Спустя некоторое время мне удалось слегка согнуть ноги в коленях, но не раздвинуть их. Так я и выделял ими странные па, пытаюсь восстановить кровообращение и впервые в жизни танцую твист. Очень медленный твист. Твист цинкового гроба.

Рефрижератор двигался с небольшой скоростью, будка мягко покачивалась на рессорах. Судя по количеству поворотов, подземелье «Маканды» представляло собой настоящий лабиринт. Вскоре грузовик остановился, и некоторое время я лежал в кромешной тьме и полной тишине. Условия для аутотренинга почти идеальные. Добавить бы сюда еще ванну с теплой водичкой — и можно было бы залететь очень далеко!

Однако цель у меня была прямо противоположная. Я ждал, когда откроется крышка. Все, о чем я мечтал, это о том, чтобы Виктору захотелось еще раз взглянуть на заморыша и чтобы мои мышцы не подвели. Несколько раз я подвигал указательным пальцем в зазоре между скобой и

спусковым крючком. Мне было далеко до Клинта Иствуда, но следовало принять во внимание фактор внезапности.

И тут левая рука внезапно обрела чувствительность. Что-то лежало в ладони — что-то компактное и тяжелое. Я сжал кисть в кулак и нащупал два твердых и не очень гладких шарика. Один был чуть побольше другого. Я покатал их в руке, пытаюсь понять, что это за чертовщина. И, главное, откуда они взялись? Догадался я быстро, но это был не тот случай, когда собственная сообразительность приводит в восторг.

Пули... Две свинцовые пули, извлеченные из моего тела, превратились в шарообразные сувениры. На долгую память...

Мне стало как-то не по себе. Я хотел выбросить шарики, но вовремя сообразил, что они будут перекатываться и позвякивать внутри гроба, если его начнут перемещать. Пришлось медленно и аккуратно засунуть их в задний карман джинсов.

Снаружи приглушенно загремело железо. Я напрягся. Руки были согнуты в локтях, а ствол пушки направлен прямо в зенит. Я приготовился выстрелить Виктору в рожу...

Потом мой цинк подняли, не открывая, и куда-то понесли. Забыл сказать, что каждый гроб имел по бокам откидывающиеся ручки, а крышки поворачивались на петлях. В общем, передовая

конструкция. К тому же явно предназначенная для многоразового использования. Я и сам надеялся, что это обиталище станет для меня временным. Поскольку покойнику, по идее, должно быть все равно, гроб несколько раз опасно наклоняли, и я болтался в нем, как единственная сардина в консервной банке.

Может, оно, конечно, и к лучшему — если бы я застрелил Виктора сразу же, то живым оттуда вряд ли ушел бы. Я не настолько оборзел, чтобы рассчитывать на повторное воскрешение. Появился другой вариант — сделаться чертиком в табакерке. Цинк был достаточно тяжелым, и несли его, скорее всего, четверо. Меня так и подмывало выскочить и устроить им «спокойной ночи, малыши», однако я сдержался, потому что вряд ли смог бы быстро поднять крышку, а после этого еще и попасть в кого надо. Урок в больничном морге не прошел даром. Сковавший мышцы холод все еще не отпускал меня. Оставалось лежать и ждать развязки — в общем-то, обычное состояние для большинства из нас.

Через пару минут гроб со стуком приземлили; на всякий случай я тотчас же изобразил из себя полноценный «груз 200» — уронил руки вдоль туловища, накрыл пистолет ягодицей и закатил зрачки. У меня даже весьма натурально отвалилась нижняя челюсть.

Какие-то букашки с ледяными лапками забегали по спине в ожидании того момента, когда заскрипят петли и в щель хлынет свет. Конечно, я был неприятно взволнован. Подохнуть теперь казалось мне несправедливым и даже смешным, но я знал, что у судьбы свой взгляд на черный юмор.

Гроб сильно толкнули, и я ударился подошвами о торцевую стенку. Спасибо, что хоть толкнули головой вперед... Подо мной раздался душераздирающий визг. Должно быть, я очутился во временном хранилище жмуриков, а визг издавали плохо смазанные металлические валики. Лязгнул замок. Прозвучали удаляющиеся шаги нескольких пар ног. И снова — ватная тишина, темнота, неопределенность, боязнь пошевелиться. А вдруг кто-то до сих пор находится рядом?

Я дал себе еще несколько минут и за это время пытался установить, насколько новое существо соответствует Максиму Голикову, спроектированному в тысяча девятьсот шестьдесят третьем.

Вроде бы мои чувства остались прежними. Кое-кого я, как и раньше, ненавидел, всех прочих так же сдержанно, по-христиански любил. Особенно тщательно я исследовал свою сексуальность. При воспоминании о различных частях Иркиного тела мои части реагировали соответственно. Это обнадеживало. Может быть, я

дешево отделался. Два «анха» в качестве реаниматоров и пули, превратившиеся в свинцовые шарики на ладони, — штуковины, конечно, непонятные и даже немного страшноватые, но, в конце концов, привыкли же мы к танталовым суставам и силиконовым грудям?..

Все; пора было выбираться на свет Божий — спасти себя, подругу дней моих суровых, а заодно и психа-музыканта, пока из нас троих не набили чучела для местной кунсткамеры. Ни на что другое, по-моему, мы не годились.

Но я ошибался. Мамма миа, как я ошибался!

20

Я положил «беретту» себе на грудь и уперся ладонями в крышку гроба. На одно ужасное мгновение я усомнился в своей способности ее поднять. Мысль об этом была похожа на дыхание смерти, обдавшее холодом кожу на бритом затылке, — той смерти, замешанной на жестокой клаустрофобии, которая настигает в заваленных пещерах, шахтах, на терпящих бедствие подводных лодках...

Ненасытная воронка вращалась рядом, как черный смерч. Действуя, я забывал о ней; во время бездействия она подкрадывалась ближе, чем моя собственная тень в полдень. Слепой лебедь

расправлял крылья на скованном льдом озере моего ужаса...

Я напрягся, скрипнул зубами... и крышка поддалась. Вместо света я увидел серую мглу, которая не заставила бы зажмуриться и крота. Тусклый свет просачивался откуда-то сверху. Я вглядывался в десятисантиметровую щель — к моему громадному облегчению, снаружи не было заметно никакого движения. Тем не менее что-то показалось мне необычным.

Медленно поворачивая крышку на петлях, я осознал, что именно противоречит логике: состояние моего организма. Совсем недавно я был дистрофичным и анемичным обитателем психушки, потом трижды простреленным трупом, потом замороженным куском мяса в холодильнике. Температура окружающей среды с тех пор едва ли поднялась на пару градусов. Не чувствовалось тепла в мышцах, да и во всем теле; в паху раздулся ледяной пузырь; и все же я без труда удерживал одной рукой тридцатикилограммовую крышку. Ощущение было таким, словно между мозгом и конечностями появились гидроусилители, незаметно для меня выполнявшие всю работу. Я сказал «ощущение», но скорее это можно назвать подменой привычных ощущений. Сущий пустяк по сравнению со всем прочим — однако пустяк, оставивший чертовски неприятный осадок.

Я сел, а затем привстал, потрескивая затвердевшими джинсами и майкой. Пощупал кресты, лежавшие в кармане. Талисманы были зловещими, но я знал, что никогда не расстанусь с ними по своей воле. Кажется, кто-то из апостолов уже высказался до меня по этому поводу — что-то насчет живого зайца, который лучше, чем мертвый лев. И тем более лучше, чем мертвый шизоид.

С этой утешительной мыслью я наконец-то выбрался из гроба и понял, что нахожусь в камере гигантского стационарного холодильника. Такие, наверное, установлены на мясокомбинатах. Но вместо коровьих туш и свиных окороков, развешанных на крюках, я увидел до боли знакомую картину: унылые ряды металлических параллелепипедов, уходящие в темноту. Источники света — сигнальные лампы и шкалы каких-то регуляторов — оказались у меня за спиной. Под ногами был очень неудобный пол, усеянный валиками и похожий на массажер для Кинг-Конга.

Чтобы мое исчезновение не сразу обнаружили, я снова закрыл крышку гроба. Камера была низкой; если бы я выпрямил ноги, мне пришлось бы согнуться в поясе под прямым углом. Поэтому я встал на четвереньки и отправился навестить ближайшего соседа.

Им оказался молодой парень. Мой визит его не обрадовал и не огорчил — вокруг его наголо

обритой головы пролегла полоса шириной около полусантиметра. Когда я понял, в чем дело, меня чуть не стошнило. Череп парня был аккуратно вскрыт.

Вот и все, что я разглядел при слабом освещении. Можно было и не присматриваться — меня интересовали Ромео в больничной пижаме и Джульетта в майке с Франкенштейном. Я поспешно опустил крышку и двинулся к следующему гробу. В холодильнике их было около двух десятков — можете себе представить, какая работенка меня ожидала. Казалось, что в колени вбиты гвозди, а запястья болели так, что вскоре у меня возникло огромное желание взять пушку в зубы. И все это время я провел в ожидании, что какой-нибудь придурок обнаружит меня здесь и поднимет тревогу...

После десятого гроба я перестал воспринимать подробности. Приоткрывал крышку, считал до одного и закрывал. Правда, кое-что я все же заметил: в числе покойников не было стариков и старух. Моих товарищей по несчастью среди них также не оказалось. Вот это мне уже совсем не понравилось. Новый спазм страха сдавил желудок, и я пополз к прямоугольному люку, уже не обращая внимания на боль, — словно обезумевшая мышь, чудом уцелевшая в мышеловке.

Тут я мог снова нарваться на неприятности, но

на этот раз мне повезло — механизм замка располагался внутри камеры и был как на ладони. Пушка опять выручила. Я отвел рычаг стволом «беретты». Что-то щелкнуло, люк открылся, и я вывалился на кафельный пол.

Встал, обвел глазами мрачное и почти наверняка подвальное помещение с крашеными стенами. Здесь было лишь чуть теплее, чем в самом холодильнике. Горели оранжевые лампы, спектр которых в сочетании со всем остальным плохо действовал на мои расшатанные нервишки.

Физически я чувствовал себя неплохо — лучше, чем утром, когда еще ничего не начиналось. На ногах я держался достаточно твердо. И даже предмет, который был дорог мне как память, пока не отморозил. Только подумал о нем — и сразу же ощутил настоятельную необходимость слить воду. Об этой неэстетичной подробности я сообщаю потому, что она меня обрадовала. Значит, жив курилка!

Поскольку писсуаров поблизости, как вы понимаете, не было, пришлось не очень вежливо обойтись с хозяевами. Я устроился в левом от двери углу, и мой весенний ручеек зажурчал.

Вскоре я уже давился от смеха, представив себя со стороны: в левой руке я держал моего оттаивающего друга, а в поднятой правой — пушку, направленную на дверь. Когда я бросил

взгляд вниз, смех угас сам собой. В оранжевом свете струя показалась мне черной, а при дневном освещении, наверное, приобрела бы темно-коричневый цвет. В значительной степени она состояла из крови, но было в ней кое-что еще — вещество, похожее на темный нерастворимый порошок...

Я проглотил комок, застрявший в горле, и с трудом застегнул zipper на джинсах, небесную голубизну которых подпортил ржавый оттенок. Выглянул за дверь — в полумраке тонула анфилада подвальных помещений. С наружной стороны на двери имелась загадочная надпись, наверняка оставленная нашими гениальными вояками: «Неприкосновенный запас. Эвакуация в соответствии со схемой 9».

Я двинулся по коридору, пряча пушку за спиной. Тот же тусклый оранжевый свет и то же безлюдье. Откуда-то доносился гул вентилятора. Первым делом мне не мешало бы сменить прикид на что-нибудь более приличное. Я сомневался, что все служащие «Маканды» знают друг друга в лицо. Я был подстрижен, как тифозник, и небрит, но это могло сойти за оригинальный имидж. Неплохо было бы натянуть и темные очки — после трогательного расставания с Гошей на моей роже появились разноцветные припухлости.

Вдоль стены тянулись трубы, среди них

попадались и горячие. Я крался, прижимаясь к ним, маскируясь и заодно отогревая задницу. Я искал лестницу, которая вела бы наверх. Она могла находиться где угодно, за любой из одинаковых дверей, отличавшихся только номерами. Лифт меня не устраивал по причине того, что из тесной кабинки уже не убежишь.

Подобные эпизоды есть почти в каждом киношном детективе: клоун с пистолетом крадется в опасном полумраке под тревожную музыку. Это действительно смотрится неплохо и приятно щекочет окончания, особенно когда сидишь в кресле с бутылкой холодненького пива, а где-то поблизости (в пределах досягаемости) находится жена в полупрозрачной ночной рубашке. Самому себе же я сейчас напоминал персонажа компьютерной игры, у которого осталось четырнадцать патронов, гораздо больше врагов, процентов двадцать пять «здоровья», и не было ни малейшей возможности перезагрузиться. Кто-то там, на небесах, нажимал неведомые кнопки, и все мы тут, внизу, дергались, как марионетки, вынужденные относиться к жизни слишком серьезно. Что ж, надеюсь, тот заоблачный парень, играющий во вселенский «Doom», по крайней мере, хорошо развлекался...

Я добрался до поворота и со всеми предосторожностями посмотрел за угол. Это

означает, что я присел, выставил перед собой пушку, и мой левый глаз оказался где-то на уровне живота. Этот глаз не заметил никого и ничего нового, кроме еще одной угрюмой анфилады, подсвеченной оранжевым. Я не удивился бы, если бы в конце ее был очередной поворот, а коридор замыкался в квадрат.

Поскольку выдержка у меня была как у параноика с четырехлетним стажем, то есть никакая, я сорвался. Подбежал к ближайшей двери, рванул ее на себя... и оказался в очень изысканном подземном гараже. На стенах мягко сияли светильники и указатели с синими стрелками. Воздух был теплым и вентилируемым. Дорогие тачки сияли, будто елочные игрушки. Двое механиков в светоотражающих комбинезонах меняли колесо на темно-синем «БМВ». Судя по их виду, комбинезоны были еще и грязеотражающими. В машине был включен приемник, и Боб Марли пел «Я застрелил шерифа»...

* * *

Как все просто! Везучий я парень! Это было явно не то место, где владельцы тачек, уходя, забирают с собой ключи и врубают сигнализацию. Я бодренько направился к крайнему «мерсу», мечтая лишь о том, чтобы его коробка передач

оказалась автоматической (у меня с детства проблемы с переключением скоростей).

И только пройдя метров тридцать, я увидел, что не все машины пустые. С задних сидений за мной следили глазки специфических ребят, которые при одних обстоятельствах становятся наемными убийцами, а при других — телохранителями. Некоторым удается совмещать обе профессии. Они редко теряют бдительность (это плохо сказывается на продолжительности их жизни). Пастушьи собаки человеческого стада... Нехорошо я о них подумал, нехорошо, но, как выяснилось, не напрасно.

Я развернулся и скромненько заторопился туда, откуда опрометчиво выскочил, тщетно пытаясь прикрыть пушку своим тощим бедром. За спиной хлопнула дверца. Это был сигнал к началу охоты. Я перешел на бег, хотя понимал, что будет еще хуже.

Дичь выдала себя с головой. Боб Марли как раз допел до того места, где он жалуется, что шериф Джон Браун всегда ненавидел его, причем неизвестно за что...

Я тоже кое-чего не понимал. Из-за колонны выдвинулась массивная фигура человека в темном костюме и устремилась мне наперерез. До двери оставалось метров десять. Незнакомец потянулся своей правой рукой к своей левой подмышке и одновременно заорал: